

Ж/д платформа Беяево Усманского района Липецкой области (Усманского уезда Тамбовской губернии) основана в 1848 году при строительстве Николаевской железной дороги. В том же году произошла революция во Франции, Венгрии и Германии. В Лондоне был опубликован "Манифест Коммунистической партии" К. Маркса и Ф. Энгельса. В США это был год начала эры жевательной резинки. А в столице России Санкт-Петербурге в том же году были установлены первые почтовые ящики темно-синего цвета, сколоченные из досок и обшитые листовым железом.

В домах, построенных из кирпичей красного и нежно-оранжевого цвета с клеймом «Монопол», подле обустроенной станции Беяево, поселили семьи путейцев и обходчиков. Через восемьдесят лет к ним присоединились работники организованного вокруг этой территории заповедника. На запасных путях платформы стояли вагон-магазин и вагон-клуб. Дети ходили в начальную школу, тут же, на остановочной площадке, располагался уютный магазинчик, аккуратное здание вокзала. Фельдшер следила за здоровьем жителей о.п. Беяево. Функционировало несколько смежных производств, конюшни, военная часть, железнодорожный переезд... Люди жили! Любили! Работали!

Нынче всё так же. Несмотря на то, что юбилейный 170-й год жители платформы Беяево встречают без школы, магазина, доктора, вокзала,

газа и дороги, они любят свою Родину, которую не променяют ни на какое другое место на земле.

Сказки, представленные в данном сборнике, написаны на остановочной площадке Беляево. Под метроном стука колёс проезжающих мимо составов. Под пение лесных птиц поутру. Под воркование лягушек и тявканье косуль. С их благосклонного позволения, и при непосредственном участии.

Все истории правдивы и грустны. Как честна и драматична жизнь, порой.

Слова, как капли дождя. Они падают, и растворяются в земле, оставляя лишь на мгновение свой след.

Укрывая одеялом...

На краю леса, подчёркнутого карандашными линиями железнодорожного полотна, стоит невысокая неказистая сосна. Засыпан снегом её корень. Широкий и могучий. Расположился белым питоном подле ствола и уснул. Вспугнёт его рассвет, потянет на себя одеяло утра и пропало дело. Нет белого питона. Исчез. А вместо него - куриная лапа без избушки. И так - целый день. Картинки меняются одна за другой. Покуда чёткий рисунок сосны и её веток не будут затканы гобеленом заката. Да так бережно, так подробно. До самой нежной её иголки...

А после - как нарочно: «Всем спать!»

И не поспоришь. Знай - лежи себе тихонько и скреби тёмно-синюю краску неба.

Но тут уж неизвестно, что произойдёт скорее: сам заснёшь или отколупнёшь краски побольше и откроешь новую звёздочку. Видишь, сколько их?

Многим не спиться об эту пору!

Ну, а пока ты занят своим важным делом, я расскажу тебе сказку. В лесу они буквально на каждом шагу. Растут, как грибы. Надо быть очень внимательным, чтобы заметить лесных жителей, подслушать, о чём они говорят или даже подружиться с ними...

Последнее представление осени...

Неким глубоким серым утром я шел по лесу. Если наступает рассвет, то и солнце вынуждено отрывать голову от своих несвежих осенних подушек. Только даже оно не в состоянии разогнать хмурую хмарь ноября.

Ветер наломал спички стволов, побросал куда попало и ушёл. Надеется, что снег вскоре прикроет его шалости. Урожай листвы собран и сметён в сугробы. Яркие их пятна нелепы и местами уже потеряли обаяние осторожности, стройную хрупкость. И не хрустят больше. Ни в руках, не под ногами. Влажные и раскисшие, они периодически ставят подножку и я спотыкаюсь. Птицы, те давно привыкли к моим регулярным прогулкам,

потому занимались своими делами и прерывались лишь затем, чтобы посмеяться над моей неуклюжестью.

- Да что такое?! - в очередной раз едва сохранив равновесие, удержался плечом за кстати склонённый в сторону тропинки дуб и решил передохнуть, составив ему компанию. Отдышавшись, пару раз нарочито выдохнул, полюбовался самодельным туманом. Замер, чтобы послушать, как лес потягивается после беспокойной холодной ночи, разминает косточки веток, сучьев, стволов.

- Вот, тут... да нет,- тут же, пониже,- шепчет дуб осине. И та тянется и почёсывает невпопад серую коросту коры с трещинами по самую заболонь.

- Ну, ничего, ничего, потерпи. Подморозит и подсушит.

- Ага, после снегом заметёт и намокнет.- брюзжит дуб.

- Ну, не ворчи, старик. Пора бы уж и привыкнуть. За столько-то лет.

- Это кто у нас старик?! Я?! - зашатавшись из стороны в сторону возмущается дуб.

- Нет, это я так, фигурально. Успокойся ты,- похлопывает осина товарища по израненному боку.- Ты у нас ещё хоть куда. Мне вот давно пора леших пугать на болоте. Срок подходит...- загрустила осина.

- Это как?! Мы ж с тобой , вроде, ровесники!- замер на месте дуб, да так, что те жёлуди, которые благополучно перенесли первый месяц осени и на-

деялись продержаться до весны, осыпались с него, как градины.- Мне сто пятьдесят недавно исполнилось и тебе столько же! Я помню. Память у меня ещё ого-го.

- Так тебе ещё сто пятьдесят, а мне уже. Вы, дубы, в десять раз дольше нашего живёте...

Дуб пристыженно замер, пригорюнился и затих. Лишь только последний жёлудь коснулся лоскутного одеяла поляны, вместо ожидаемого безмолвия, вполне отчётливо послышались удары кия о бильярдный шар. Не звонкие конечные звуки в удалённой от жилья части леса... Как такому быть?!

Я прислушался, огляделся по сторонам...

- Глупо, правда? - раздалось рядом. - Каждый год одно и то же. Говоришь им говоришь, а всё бестолку.

Я вздрогнул от неожиданности, ибо думал, что наблюдаю за лесом в одиночестве, но, как обычно, оказался далеко не единственным зрителем. По ту сторону ствола, служившего мне опорой, стояла самка благородного оленя. Уже не юная, но прекрасная в своей зрелой красоте. Все задумки природы осуществились вполне и было неясно, чему отдать предпочтение, наслаждаясь её видом. То ли королевской осанкой, то ли изящным переходом ото лба к ушам, то ли трогательным припухlostям колен...

- Простите, я не заметил, что не один. О ком вы?
- Да вот же, прямо у вас на виду, два дурня в очередной раз доказывают свою мужественность передо мной. А оно мне надо? И так ясно, что я уйду вон с тем...
- С которым из них?
- Да вот, с тем, у которого на боку шрам, откушено пол-уха и пара царапин на плече.
- Он такой мужественный или...
- Или! Он совершенно не умеет драться, но у нас с ним уже трое прекрасных детей и я его люблю.

Мы замолкаем и продолжаем наблюдать за тем, как два оленя сдирают друг с друга надоевшие за сезон рога. И грозно пыхтят при этом, неизменно скашивая розовые от натуги глаза в сторону зрителей.

Дятел, расслабленно кивая в такт ударам головой, мерно будит свои барабаны. Сквозняк встряхивает гигантские маракасы стволов. Им есть чем пошуршать даже в ноябре.

Последнее представление осени... Солнце, наконец, удосуживается взглянуть на округу. Включает свои софиты на всю мощь и водит ими из стороны в сторону. Подсвеченный ржавый куст оборачивается оленем. Тот непременно вздрогнет картинно своей красивой спиной. И повременит с побегом. Для хорошего доброго человека это будет именно так.

А иным - никогда не разглядеть красавца. Не дано. Не дадут. Да и не к чему. Пусть идут своей дорогой. И отыщут её, в конце концов. И, дай Бог, чтобы произошло это не в конце земного пути, а намного раньше.

Тот, который не умел летать...

Идти было вкусно. Подсушенные морозом листья хрустели под ногами. Справа от тропинки, с вельветового бока запылённого инеем пригорка слышалось:

- Нет, не так. Гляди, как надо!
- Ну?
- Погоди немного, ветра нет.
- И сколько ждать?
- Да, сейчас-сейчас, куда ты торопишься.
- И не тороплюсь я вовсе, с чего ты взял? Просто ноги замёрзли немного, на одном месте-то стоять...
- Ничего, потерпи. Неженка какая!
- Ничего подобного! Я не неженка.
- Тогда стой и жди молча.
- Стою.
- Вот и стой!

Ветер с юга раскачал пушистые разноцветные клубки деревьев. Стряхнул с них лишнее, закрепил макушками в сторону севера. Проверил,

крепко ли и пошёл бродить по тропинкам, просекам и полянам.

- Нет, не то. Не выходит.

- Никак?

- Да, никак. Отстань, я должен сосредоточиться. Ты только мешаешь.

- Прости...

На смену тёплому, сорвался сквозняк холодного ветра. Но нагретая за лето земля не сдавалась так просто. Отстранилась от него, отмахнувшись, сдвинула на сторону, как неуместный в тёплую погоду шарф.

- Вот! Вот! Так! Гляди, как надо! - Жёлтые крылья затрепетали, ожили в хлопотливом ритме и...

- Ну, вот, опять...

- Что, не получается? - участливо спросила она.

- Это у тебя не получается, - обиделся он, - у меня всё, как надо. Но не теперь. Нужно дождаться правильного ветра.

- А зачем ждать ветра?

- Чтобы полететь! Ты - глупая!

- Может быть...

- Да, ты глупая и... отстань!

- Не ругайся, пожалуйста. Лучше, объясни, я не понимаю.

- Ещё бы! Ты ничего не понимаешь, ничего не умеешь. Да и вообще, - от тебя нет никакого толка!

- Хорошо, пусть так. Но скажи, зачем нужно ждать ветер, чтобы летать?

- Потому что! Так надо! Не задавай лишних вопросов.

- Но мне это не нужно...

- Не говори чепухи. И, чтобы не попасть в глупое положение, просто запомни, что для того, чтобы летать, надо дожидаться попутного ветра.

Мне стало интересно поглядеть на спорщиков. То были бабочка, похожая на старый дырявый листок и красивая, яркая, примёрзшая к пригорку своею серединой ладонь ясеня. Одна порхала с рождения, другой наблюдал, как это делают другие.

Я подставил палец бабочке. Та охотно переступила на него, легко взмахнув крыльями и мы пошли в дом. А листок всё ждал и ждал порывов ветра. И тот нашёл наконец минуту, взъерошил наскоро чуб поляне, подул тихонько вдоль просеки, расчесав сбрызнутую лаком мороза траву и ушёл.

На пригорке остались брошенными обрезки дуба, усыпанные жемчугом остекленевшей росы и тот, который не умел летать, но учил этому других.

Дятел

Казалось, что вода в панике пытается покинуть пруд. Прозрачные руки цеплялись за каменистый берег. Но тот сильно ранил их, разбивая волны на тонкие пальцы брызг.

- Что там такое?
- Наверное, птица тонет.
- Ого, надо скорее бежать, выручать.

У самой кромки воды, сбившись в разноцветную кучку, стояли синицы и воробьи. Моё появление не заставило их разлететься или встрепетаться. В общем - не потревожило абсолютно. Было слегка обидно, но, когда я поняла, в чём дело, то присоединилась к группе пернатых зевак.

В молчании, полном изумления мы наблюдали за тем, как водную гладь пруда рассекал довольно крупный белоснежный дятел в красной плавательной шапочке. Спортсмен из команды дятловых, обнаруживал знакомство с разными способами перемещения в жидкой среде. Он болтал ногами в стиле «ноги кроль», сдвигал воду стилем «руки брасс». Шумно отдувался, приоткрыв клюв и свесив липкий язык на сторону. Завершив тренировку, дятел поднялся из воды, свесив крылья подобно купальному халату. Толпа зрителей почтительно расступилась, давая ему пройти. Я тоже сделала шаг в сторону.

Дятел покрутил головой, отряхнулся как собака, от плеч до кончика хвоста. И взлетел.

Что тут скажешь? Можно строить какие угодно предположения, фантазируя на заданную тему. Но намного правильнее будет согласиться с тем, что мы очень мало знаем о тех, с кем живём. Рядом. Плечом к крылу.

Я еду домой

Я еду домой. Столб линии электропередач издали похож на безопасную бритву...

Собака, покрытая клоками свалывшейся шерсти, словно прошлогодней травой, стоит и смотрит на этот столб. Рядом - два понурых щенка. Им совсем плохо от дыма сгорающей неподалёку травы. Дым почти прозрачен, слегка похож на пар вечерней земли. Но это не он. Притворство всегда ядовито...

Малышам отойти... бы. Слегка! В сторонку. Но они так малы, к тому же, -не знают пока, что и от мамы можно...

В воронку заката, пеной грязных облаков утекают последние мгновения дня. Всё вчерне. Набело только дни. А ночи? Ночи... Хитрые бестии. Поджимают ступни в дырявых носочках, обнимают в тени под ступенями, степенно кивают, надеясь заполучить не своё. И получают, и спешат, и бегут... Чтобы до третьих петухов. Как ...тать? Да что вы! Какое оно ТАТЬ?! Так,- пакостник, мелкий...

А столб уже выбрил часть неба. До розовой кожи. И собака устала глазеть, облизала детей и дала им по чашеке какао. (Мамино молоко для щенков слаще любых шоколадных бобов!) Соседский барбос забежал, поприветствовал заднею лапой участок чадающей травы... И стало чисто, тепло и уютно. Только филин - вдогонку скользящему к краю небес Ориону, так громко кричал, что охрип...

Часы

Не многим понятно, зачем живут часы...
А они просто ждут кого-то... и считают свои не-
большие шаги... пос-то-ян-но...

Прелесть ожидания в познании самого
себя... Вот, в этом замечательном состоянии мы и
проводим свою жизнь...

Вороны

ВоРоны пришли подкормиться на свалку.
И мне их, пРедставьте, нисколько не жалко!

СтРелки, стРелки птичьих лапок.
БРодят без пальто и шапок.
Сонный хРиплый голосок.
В клюве — кость, в ноздРях — песок...

Мать обучила меня грамоте довольно рано.
Первым словом, которое заставили прочесть, было
не "мама" или "папа", а фамилия первого космо-
навта планеты, в которой так много сложного ры-
чащего звука. Он был основным, воинственно на-
строенным против меня, и моего непослушного
языка.

Логопед, к которому обратилась за помощью
мать, постаралась на совесть. Показала как можно
сворачивать язык в трубочку. Заставила повторить
великое множество цоканий и прищёлкиваний. Но

извлечь из моих уст искомый звук, с помощью все этих нехитрых приёмов, ей так и не удалось. Однако дефект речи был исправлен. Легко и случайно. Что неизбежно сформировало уверенность в том, что у каждой проблемы, помимо массы сложных и утомительных решений, есть одно—единственное, необременительное и правильное.

Неким прекрасным ясным, летним, прозрачным и весёлым утром, я в совершенном одиночестве шла к бабуле. Отец опаздывал на работу, и потому не повёл меня за руку до нужного дома, а просто высадил на остановке.

- Сама дойдешь? - с надеждой спросил папа.

- Дойду! - радостно подтвердила я.

В предвкушении вкусного сытного завтрака без понуканий и нотаций, беззаботной прогулки до обеда, я шла и пела песенку из «Бременских музыкантов». О том, как пролетают мимо нестрашные дороги... И тут, в самую верхнюю ноту, чистым воспроизведением которой я особенно гордилась в ту пору, вторгся чей-то смех:

- Ха-ха-ха!

Я остановилась и покрутила головой. В этот утренний час, когда весь советский народ, как один стоял у станка, прилавка или кульмана, рядом со мной просто физически не мог никто находиться.

-Странно...- произнесла я негромко, но предательская согласная исказила до неузнаваемости даже

такое простое слово и... Смех раздался вновь... Обшаривая взглядом листву близстоящего дерева, в поисках источника оскорбительного звука, я увидела... ворону, которая укоризненно смотрела на меня с ветки, своим красивым чёрным глазом. Одним! Она не стала тратить на какую-то маленькую картавую девчонку, блеск двух, подозрительно умных глаз, одновременно.

- Зачем ты дразнишься? Я не могу выговорить эту проклятую «ры!». Не могу!

- Кар!

- У тебя-то получается, как надо...

- Кар!

- Что «кар»?! - вскричала я, внезапно ощутив во рту неведомое доселе волнение языка.

- Кар-р-р-р! - крикнула истошно ворона, и наклонила голову пониже так, что я не просто УВИДЕЛА, а почувствовала, как вибрирует её острый язык.

Ворона даже и не думала смеяться надо мной. Она просто решила помочь маленькой девочке, которая так весело напевала, направляясь к дому своей бабушки.

Я остановилась прямо под деревом, и задрала голову:

- Кар! - привычно уронила раскатистую согласную в серый песок у ног.

- Кар-р! - возобновила свой урок ворона.

- Кар! - повторила я послушно, и не поверила соб-

ственным ушам, - Кар-р-р! Р-р-р!

- Кар-р-р-р! - возликовала моя блестящая преподавательница, и захлопала крыльями.

- Я умею говор-р-р-ить «р-р-р»! Спасибо! Вор-р-рона! - закричала я, что есть мочи, и побежала к бабушке, повторяя на ходу удивительный урок, который преподала мне замечательно мудрая птица, холодея от ужаса, что потеряю этот звук по дороге...

- Кар-р! Кар-р-р! Кар-р-р-р-р! Бабушка! Ба-буш-ка-а-а! ВоРона! Научила меня говоРить букву Р-Р-Р-Р-Р!

- Ну, что ты выдумываешь, - грустно вздохнула бабушка, пропуская меня в квартиру.

- Ну бабусечка, ну, пожалуйста, ну давай я тебе скажу!!! Любое - пР-Р-Р-елюбое слово!!!

- Тихо. Не шуми, пожалуйста, не раздражай дедушку. Он плохо себя чувствует.

Я помню то дерево, с которого ворона учила меня правильно выговаривать самый ребристый звук русского алфавита. Я помню и саму птицу. Но на том дереве я не видела больше ни единой вороны. Ни разу! За сорок с лишним лет.

Время от времени я встречаю похожих птиц в иных местах. Обычных ворон вокруг всегда довольно много. Но тех необыкновенных птиц, со ЗНАЮЩИМ проницательным взглядом, так же мало, как хороших и умных людей.

Райская птица с чёрным крылом... Лет через тридцать, или даже немногим больше, мне показа-

лось, что я сумела отплатить добром за добро.

Однажды утром, в лютый мороз я увидела ворону, которая медленно замерзала на ветке. Потускневшие перья местами обледенели. Казалось, пройдет совсем немного времени, и птица превратится в нечто, похожее на кусок промёрзшей древесной коры. У неё явно не было сил справиться с многочисленными останками январских обильных трапез. Быть может, ворона недавно перенесла на крыльях ангину, или просто была уже недостаточно молода для утомительной и кропотливой работы над ледяными скульптурами из неряшливых объедков. В ту пору я могла позавидовать сытости церковной мыши, и сто пятьдесят граммов «крабовых» палочек, что лежали у меня в пакете, были для нашей семьи весьма ценной добычей. Но, как бы там ни было, я шла в теплую квартиру, а ворона жила на улице... Недолго думая, я достала из пакета одну «крабовую» палочку, сняла с неё целлофан, и протянула вороне...

- Ворона! Возьми, пожалуйста!

Птица очень медленно подняла голову, взглянула на меня, на еду, зажатую в руке. С огромным трудом раскинула в сторону крылья, и оттолкнулась от ветки. Ворона была так слаба, что мне пришлось практически заталкивать угощение в её открытый клюв...

Наутро мороз махнул на нашу местность рукой, и отправился сдерживать порывы жителей

иных регионов. Ворона же, к моей огромной радости, выжила. И в течение нескольких лет, пока обитала неподалёку, каждое утро бросала под ноги моей собаке куриные кости, добытые из помойки.

И я опять осталась в долгу...

Законы физики

Божья коровка сидела на подоконнике, хрустела сушками из мошек, которыми угостил её паук и смотрела, что происходит по ту сторону прозрачных полотен стёкол, натянутых на рамы окна. А там...

Утро наградили золотой медалью солнца. Нестерпимый цвет его сиял, крича о богатстве, оценить которое до весны не было суждено никому. Светило «дало прикурить» продрогшей за ночь земле и всему, что на ней. Пар, как выдох. Долгий и влажный. Холодный воздух жадно вдыхал его, тянул на себя и плёл немыслимые полупрозрачные косы.

По пустому утреннему шоссе неба, не соблюдая разделительных полос, с лёгким посвистом крыл мчался ворон. Вопреки обыкновению, он не дразнил собак своим хриплым лаем и не пугал сонных двуногих. Он летел молча. Со стороны могло показаться, что его клюв выпачкан чем-то розовым. Но, несмотря на его далеко не миролюбивый характер, на этот раз он не был причиной чьей-либо боли.

В этот день Ворон проснулся поздно ночью. В гнезде он был не один. Рядом, подвернув под себя сломанное крыло, спала подруга. Накануне скандалил ветер, отшвыривая прочь всё, что поддавалось этому. С упорством злого ребёнка, гнул вершины деревьев до тех пор, пока те не выдержали и стали ломаться. Канонада их обрушения вызвала неподдельный ужас леса в юной его части. Молодым стволам вполне было под силу пережить этот сезонный скандал. Если бы дело касалось их одних. Но падали гиганты. Не выдерживали самые высокие и стойкие. Пытаясь сохранить равновесие, хватались за тех, кто рядом и погибали все. Рушились, подобно строю костяшек домино. Только выходило намного больнее. Страшнее. Земля гудела, подставляя себя под их удары. Но увернуться не выходило никак.

Под влияние декаданса от механики попала и подруга Ворона. Не успела осознать, как всё произошло. А, расслышав хруст, не поверила, что его источником явился перелом опахала её собственного крыла.

Конец иссиня-чёрному отливу идеально подогнанных друг к другу перьев. Вместо него - мелкое крошево костей в границах кожного мешочка по правую сторону. Сосна, орудие злой ветреной воли забывшей себя стихии, одним из своих бутон-ов защемила окровавленный сосуд. Остановила скорое истечение жизни, пытаясь искупить то зло,

которое причинила невольно.

Ворон не пострадал, так как оказался более проворным, но собственная ловкость огорчала: «Лучше бы я сам... Лучше бы вместе...» - отчаяние приводило его в исступление. Невозможность подставить своё плечо, сравнивая сложности решения задачи по обращению времени вспять... Ворону было больно смотреть на изувеченное крыло, самый незаметный взмах которого заставлял его сердце биться чаще положенного.

Когда Его Птица пришла, наконец, в себя, Ворон попросил:

- Никуда не уходи, я принесу тебе попить.

Она попыталась ответить, но не смогла даже кивнуть.

- Не тревожься, я скоро.

Ворон слетал к ручью, набрал воды и вернулся. Понемногу, как маленькой, капал подруге на язык, нежно дотрагиваясь, смачивал потускневший клюв. Летал туда-обратно несколько раз.

- Говорить можешь?

- Могу...- едва слышно отозвалась она.

- Чего тебе хочется?

- ...

- Не молчи! Скажи, чего ты хочешь?! Я сделаю всё, что смогу!

Отыскав в себе последний заряд сил, чтобы не пугать Ворона немощью, она почти обычным голосом сообщила:

- Я хочу увидеть рассвет,- и, обесточенная, уронила голову на здоровое крыло.

- Заснула. Бедняжка...

Ворон в полудрёме охранял сон подруги, время от времени дотрагивался до её каменеющего лба, а после измерял температуру ночи. Если бы он был в состоянии, то взлетел бы на шар земли и покати́л его по арене небосвода. Чтобы скорее наступило утро. Но этого он не мог. И продолжал ждать. Когда понял, что пора, вылетел навстречу солнцу.

Его ещё не было видно, но приглушённый свет из-за угла горизонта давал надежду на скорое явление. Ворон знал, для чего парит здесь и, едва показался первый лепесток солнечного пламени, ухватился за него, потянул на себя и оторвал.

- Легче лёгкого! - обрадовался Ворон.

- На здоровье! - Солнце промокнуло место, где был один из его лучей, салфеткой облака и оставил его висеть над лесом.

Если бы кому-нибудь в ту пору пришла охота поглядеть выше своей головы, то ему было бы видно, как летит Ворон. Высоко и рано. Упрятав в роговой чехол рамфотеки* искру рассвета, он торопился туда, где нужен больше всего на свете.

Прошло полгода. Ворон немного постарел и довольно сильно устал. Ему приходилось охотиться вдвое больше, чтобы прокормить себя и подругу.

гу. Поначалу она пыталась есть поменьше, ссылаясь на отсутствие аппетита, но Ворон заметил уловку:

- Прекрати заниматься ерундой. Ешь!

- Но тебе же тяжело. Если я буду мало есть, тебе не надо будет так надрываться.

- Если будешь так безответственно себя вести, то погибнешь! И всё, что я уже сделал для тебя, теряет смысл. Ты обо мне подумала? Когда я возвращаюсь домой, мне нужно знать, что здесь ждёшь меня ты. Понимаешь?!

- Понимаю,- счастливо вздыхает она и обнимает его своим единственным уцелевшим крылом...

А что же божья коровка? Она так и сидит у окна, да хрустит сушками из мошек, которыми угощает её паук. Каждое утро следит за тем, как Ворон несётся вдоль железнодорожного полотна, обгоняя скорый поезд. В зубах - кусок лесного сыра, очередная зазевавшаяся мышка. Ни жива не мертва. Её хвостик свисает из клюва, поднимается и опадает, переча взмахам жёстких крыл...

- Как безжалостна жизнь.- думает мышь.

- Как жалостлива она.- размышляет божья коровка.

* Рамфотека - клюв птиц.

Пока цветёт тюльпан...

Она тонула. Не было сил подать голос, поэтому просто отчаянно гребла к берегу и надеялась, что её заметят. Хоть кто-нибудь. Чёрный плащ сбился на сторону и тянул ко дну, пушистая жёлтая шерстяная шапка намокла и отяжелела, окрылась, словно иглами, слипшимися от воды пучками...

- Ы-ы...- она смогла, наконец, выжать из себя тяжёлый, как толща воды под ней, звук,- Ы-ы-и...

Пытаясь оттолкнуть от себя липкую как мёд и густую, словно смола, жидкость, она гнала волну, которая оказывалась несоизмеримо мельче приложенных к этому усилий.

-Ы-ы-ы...- облетали розовые лепестки её недолгой жизни, бок о бок с сёстрами: весёлая возня по утрам, совместные заботы...сладкий густой запах весенней травы... Так хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть, как вода смывает остатки радости бытия... Но разве это возможно?!

Внезапно она почувствовала под ногами опору. "Не может быть!"- первое, что пришло ей в голову, и она крепко ухватилась за вовремя подставленную руку...

- Здравствуй, малышка! Какая же ты мокрая... Давай я тебя согрею... Ты так отчаянно барахталась...было слышно даже через закрытое окно!Ка-

кая же ты храбрая! И мужественная! Я боялась, что не успею добежать... Ты слышала, как я кричала? Нет? Ну, ещё бы... Я бежала и вопила, что есть мочи "Держись!" Давай-ка я высушу твой плащ...и шапочку... Ну, что? Что ты так смотришь?! Испугалась... Давай-ка отойдём подальше от воды...

Я сажаю мокрого насквозь шмеля себе на ладонь, сгоняю воду с его чёрных крыльев, ерошу мизинцем жёлтую шапочку, чтобы поскорее просохла... Согреваю его своим дыханием и укладываю в колыбель жёлто-красного тюльпана, что растёт в самой гуще кроны вечнозелёного дерева семейства кипарисовых.

-Вот, сиди тут, обсушись, успокойся... Живи здесь! И никогда больше не подлетай туда, где много воды... Слышишь?! Никогда!

Третий день шмель наслаждается тишиной и покоем. Днём прогуливается по веткам туи, а перед заходом солнца устраивается в объятиях цветка, льнёт к лилейным!- и счастливо дремлет, пока надвигающаяся темнота запирает на все замки купол бутона... Пока - так... Пока цветёт тюльпан...

Аспостов день... по дороге за сачком

- Ну, ты руку-то отпусти...

- Нет!

- Да я постою рядом, не бойся. Бросай!

- Не-а...
- Посмотри на меня.
- ?
- Ты мне не веришь?
- Верю.
- А что тогда?
- Я себе не доверяю. Сил нет вовсе. Смыло потоками холодной, слишком мокрой воды, что льётся с неба невпопад. Не вовремя.
- Ну, как?.. Вовремя. Осень...

Днём ранее, Он гулял по берегу небольшого озера. Утро, закутанное в серую шаль серебристой предгрозовой дымки куда-то вышло, а день, занявший его место, оказался куда более приятным. Приятным и тёплым. Ему нравилось гулять так просто, без какой-либо определённой цели. Идти вразвалочку, как списанный на берег матрос. Или аккуратно и решительно, нет, скорее - отважно, словно первоклашка, вслед за которым, скрываясь за углами домов, спешит, раскрасневшись, бабушка или сопящий дед с красивой тростью наперевес.

Шаг- топ, шаг-то-по-топ, то-топ, по-топ... по-топ.. Слова и вправду обладают волшебной властью над действительностью, ибо по-топ, охотно отозвался на хлопоты созвучных ему шагов и явился. День же, напротив, ушёл. И досадливо хлопнул дверью, да так, что сквозняком сбило на сторону чуб кроны деревьев, ну и Его заодно смахнуло,- крошкой

со стола, прямо в воду.

- Ой!!!

Плавал Он важно. Месил ногами так же, как и ходил: по-топ, по-топ. По... Поверхность воды сперва держалась тонкою плёнкой под ним, а после нескольких замесов не выдержала и сорвалась в крик:

- Я не тесто!

- Да я виж-ж-жу,- отвечал Он и безответственно принялся тонуть.

Нет, конечно Он пытался удержаться на плаву, но во-первых, был слишком тепло одет, а во-вторых,- чересчур голоден. Он же шёл подышать свежим воздухом, нагулять аппетит и вполне справился с этой задачей.

- Говорила мне мама, не выходи из дому без завтрака,- бормотал Он себе под нос, пытаясь вспомнить единственный урок плавания, которого не избежал в раннем детстве.- Так. Чему там учили?- «Представь, что ты поплавок. Набери в лёгкие побольше воздуха и задержи дыхание...» Ах!- Он глотнул воздуха до рези в животе и, надув щёки, затаился, ожидая результата. Рассерженная вторжением вода потянула было его тело вниз, в своё ненасытное чрево, но клочок неба, запёртый вдохом, слишком сильно желал находится там, где привык, и устремился всей своей прозрачной душой ввысь, увлекая за собой шмеля.

Да - да, это был именно он, Шмель! Неизменно пушистый, яркий, в блестящем сияющем цилиндре, бархатном плюшевом жилете и лакированных штиблетах.

Вечер зажёл дежурный ночник луны и вышел, предварительно проверив, закрыты ли форточки. Стало душно. Вода в озере металась во сне, тянула одеяло на себя и всё, что попало на её поверхность за недолгий день, скатывалось прочь и навсегда терялось в глубине.

Шмель старался оставить сухой как можно большую поверхность своего тела. Он понимал, что, стоит ему полностью намокнуть, и намерений глотка воздуха окажется недостаточно, чтобы помешать ему опуститься на дно. Вода перестала ему досаждать и теперь лишь баюкала, со свойственным ей коварством. Лёгкая дремота и та была связана с риском сделать маленький шаг через порог, который ведёт в вечность. А как она выглядит, эта вечность, Шмелю явно не нравилось. Ранним вечером, при свете сгорающей от стыда зари, он успел разглядеть на дне водоёма блестящие монеты бронзовиков, тела кузнечиков, размокших до состояния гусениц и одного шмеля, похожего на комок траурно-чёрной ваты. И пока не хотелось туда, где форма уже не имеет значения, он держался изо всех сил, пытаясь не заснуть.

Развлекал себя рассуждениями о том, что весна в этом году брала отгул и зима выходила вне

очереди на работу. «Наметала сугробов , а мне тут разгребай», - ворчала после весна, шкворчала снегом , топила его на медленном огне апрельского солнца и громко чихала. Да и лето тоже не торопилось на службу. Осень заменяла его недели три, не меньше. А за время, что осталось, оказалось невозможным просушить и согреть всё, что нуждалось в том. Ибо лишь осени впору, что не пригодно другому времени года. Чуть зазевалось лето, а она уже тут. И с Аспосова дня её вовсе не утаить под сенью притворства солнечного зноя. Распахнуты двери её домов, да только пусто там. Вышло так, что пришла осень на всё готовенькое, - лишь только снять постиранное, и будут стоять порожними дубовые шкафы с полочками из ясеня. Станут стучать незанятыми вешалками сучьев друг об друга. Демисезонные наряды сосен не в счёт. Они привычны настолько, что кажутся несуществующими. Их замечают лишь тогда, когда на месте зеленоватого-золотистого облака обнаруживается огрызанный пилой пенёк, что выглядит обломком зуба в белоснежной предновогодней улыбке леса.

- Ж-живодёры. Нелепо... - вздрогнул, засыпая Шмель, поддаваясь, наконец, воде и Вечности, утекающими в одном направлении...

Уже через сутки, он был похож скорее на засохший хвостик томата, чем на весёлого красивого жука. На его спине во всю суетились мошки , зловеще и недвусмысленно размечая, кому что доста-

нется.

На его счастье, в тот день мне пришло на ум освежить в памяти события прошедшей весны. Тогда посчастливилось принять участие в судьбе одного шмеля, чуть не погибшего в схожих обстоятельствах. Неспешно прогуливаясь по берегу озера, я пристрастно вглядывался в его поверхность и довольно скоро, к ужасу своему, заметил некий сгусток, отдалённо напоминающий земляную пчелу. Несмотря на облепивших её мошек, я всё же, уловил дыхание жизни в несчастном создании и, не веря в происходящее окликнул его:

- Эге-гей! Это опять ты?!

- Ага...- с поверхности воды донёсся едва различимый ответ.

- И давно ты тут?

- Со вчера. Кажется.

- Ну, повиси ещё немного. Сбегаю за сачком. Прдержишься?

- Да, давай. Скорее только. Я совсем замёрз.

Метнувшись за сачком, я вернулся и одним движением выловил бедолагу из воды. Высадив его на широкую с крупными порами ржавчины планку забора, внимательно осмотрел со всех сторон и стряхнул со спины самую настойчивую из мошек.

- С-спасибо. Х-холодно. На ж-железке.

- Момент...- я пересадил шмеля на перчатку и развернулся так, чтобы солнце могло без помех на-

блюдать за происходящим, а не выглядывало из-за моего плеча .

- О..! Тепло! С-спасибо-о-о!

- Да, не за что. Я на тебя удивляюсь, честное слово! Ведь говорили же уже! Куда ты полез, зачем?

- Я не нарочно. Оно само как-то вышло.

- «Само», - передразнил я и предложил, - Давай, посажу тебя на сосну.

Шмель вяло, но решительно помотал головой:

- Не, колко, не хочу.

- Во...

- Да и упаду я. Сил нет. Живот подвело. Сутки не ел. Почти что...

- Ладно, пойдём, думаю, мы что-нибудь сообразим...

Впрочем, времени на размышления у меня было немного. Достаточно было взглянуть на шмеля, чтобы это понять. И я побежал. Бережно, но крепко сжимая в руках перчатку, в переплетение нитей которой, как в поводья, вцепился жук. Я очень спешил. Его крылья развевались бы, как плащ, но ещё не просохли, и от того казались пластмассовыми. Неживыми, как и сам шмель. Весь. Целиком.

- Ж-ж-жутко, - шептал мне в лицо и тихо плакал он.

- Потерпи еще немного, - нежно уговаривал его я, глядя прямо в залитые слезами глаза. - Всё будет хорошо.

Остановив свой бег подле огуречной травы, оглядел её, в надежде отыскать не отживший ещё своё цветок. Увы. Обветренные до обезвоживания листья, пух стеблей, снизошедший до колкости... Как жаль! Перевожу дыхание и, - о, счастье! - нахожу вазочку ярко-жёлтого колокольчика, наполненного доверху сочной свежей пылью, словно лимонной помадкой или кусочками кукурузы.

- Вот. Забирайся сюда. Подкрепись и передохни. А я пойду.- говорю я и пытаюсь пересадить шмеля на цветок, но тот сопротивляется:

- Не-ет! Стой!

- Что такое?!

- Сил нет держаться. Обожди немного.

И вот, я стою и жду, наклонившись над увядшей плетью ботвы огурца, подле чудом уцелевшего цветка, в смиренном ожидании того, что шмель, торопясь и чавкая, утолит истомивший его голод. В правой руке кусок побольше, как початок. В левой - сладкая крошка. А ногами придерживает меня за перчатку, чтобы не ушёл. У него и вправду мало шансов удержаться на цветке самостоятельно. Слишком ослаб.

Жизнь опутывает событиями своих хитро-сплетений того, кто хочет оставаться в её пределах. Шмель явно этого хотел. Он преображался буквально на глазах. Встряхнул накидку крыл, оправил жилетку, сдул пылинку с цилиндра. И вот уже, вежливо переступая, подтянул на островок

цветка последнюю ногу, что опиралась на ткань перчатки:

- Спасибо тебе!

- Не за что! Я пойду? Ты как, справишься?

- Теперь справлюсь, ещё раз благодарю!

- Ну, я рад! Рад был увидеть тебя снова.

- Гм...

- Не, ну я не в том смысле!

- Да, понял я. Иди уже!

- Иду.

- Ой, нет, постой. Там, в озере. Ты там того... при-
бери... ладно?

- Угу. - отвечаю я , и вновь иду за сачком.

Доставая из воды сухопарых некогда кузнечиков, бронзовиков , зажмуривших от ужаса глаза и того, о ком попросил меня Шмель, я ощущал не только вполне обоснованную горечь, но и беспричинный стыд. То совесть напоминала о себе. Её угрызения и посещения некстати - наш маленький перманентный ад. Впрочем, во всём есть свой смысл. Нужно только стараться отыскать его... вовремя. Но вот если вовсе не ощущаешь уколов совести, значит потерял её где-то в пути. По дороге за сачком.

Наивность

Небо нахмурило брови туч, чихнуло прилично сверкнув очами и мы,- кто куда. В подъезд, в тень норки, под небритый участок травы... А тюльпанам...куда им?! Стоят, гордые и невозмутимые. Даром, что цветочки...

Один, шевельнув широкими зелёными плечами навстречу ветру, скрипнул желваками лепестков и замер. Убедившись в намерениях бесцеремонного в своих порывах ветра, прищурился и затих упруго. А другой... рядом, подле, не по примеру, а супротив... Встряхнул ладошками, раскинул их навстречу отрицанию погоды. Мгновение, и вот уже поник. Лишь пара жеваных лепестков удержалось в разумных пределах...

Кто и когда оценит подобное, миру открытость?! Пчела или шмель, другая какая букашка,- и те уж не вымажут щёки в душистой и пряной пыльце...

Наивность, всё-таки, претит всему, что подле...

Музыка весны

Дятел задумчиво наклоняет ещё не оттаявшую ветку, немного придерживает, а после отпускает. И, наклонив голову, слушает её продрогший за зиму вой, рассеянно глядит в никуда, рассматривая своё пролетевшее "вчера" и неуловимое "зав-

тра". С каждым днём весны ветка становится всё уступчивее и звук из безнадёжно грубого превращается в оглушительно звонкий. Зайцы, едва переодевшись, вступают в соперничество с неряшливой птицей, чьи крылья постоянно обрызганы рассветом, сопровождая медленное разоблачение родных полян барабанной дробью,- лапами по пню...

Вы думаете что это всё беззастенчивые наветы и лишь один ветер хозяин пауз природы?

Зайдите в лес так рано, как сможете, и поймёте, что музыка весны не в капли рыдающих крыш. Разжалобить полдень давно научился февраль, и в том нет ему равных, поверьте!

Но весна довольно холодна и жестока. И, более того,- она скупа! Она скупа на ласку и тепло. Каждый солнечный луч она по-старушечьи собирает в горсти и прячет. Чтобы потом, всего в один только день, явить свету на что способна сила неистраченной понапрасну Любви. Весна оставит после себя преображённый мир и уйдёт. Так же тихо и незаметно, как пришла... в середине февраля.

Идет снег

Идет снег... Зима опоздала со своим подарком. Он никому не нужен в марте...

Но весна так приветлива... ко всему!

Неживые еще лучи солнца, безглаголиво обходя лишаи снега, презрительно бросают плевки тепла,

надменно шурятся и уходят... без предупреждения.

Жизнь, напрягшаяся уже для последнего незрячего шага, вынуждена в очередной раз удерживать себя. Весна чувствует себя вольной управляться жизнью. И, стремясь отдалить кончину себя, она оттягивает начало других.

Идет снег... Идет женщина с письмом в руке. Шаги ее сухи, взгляд неяркий. Упругость своего лета она подарила сыну. Тот бежит к почтовому ящику, подтверждая каждым шажком всю серьезность своего намерения. Втаптывает первые шаги в свой первый весенний снег... Чтобы Он. Его. Запомнил. Мир так велик, а цель — восхитительна и проста. Пока...

Мама подхватила мальчика на руки, и — конверт, словно сам собой вылетает из засвеченных объятий ладони взрослого и льнет к рыхлому, еще не высохшему отпечатку едва начатой судьбы.

Малыш, не познавший еще ни в чем меры, грубо отталкивает заслонку ящика и письмо от себя... И замирает!.. Цель достигнута, а ничто не изменилось вокруг... Усталая мать и разочарованный сын идут дальше...

Идет снег... Зеленому листку, пересилившему укус почки, вместо обещанного заигрывания тепла, брошен поцелуй снега. А дерево... Что оно может?!

Дав силы листку выйти за пределы своих ветвей, оно не в состоянии удержать его... Терпели-

вый ствол понуро приникал к морозной груди и всю зиму ждал первого липкого вздоха. Вздрагивал, предвкушая ветреную суету зеленых ресниц и заранее переживал сухость осенней разлуки... Надо прожить все это.

Идет снег... Он опоздал. Или появился раньше времени. Но ведь: лучше родиться раньше времени, чем не появиться вообще...

Зимняя спячка

Каждый раз, проезжая зимой от одного русского города до другого, охватывает некое грустное, почти философское настроение.

Молния зимней дороги, тесно и некрасиво стянутая неровными кучами снега, никогда не даёт путнику достаточно времени, чтобы оглядеть посёлки, деревни и нереально просторные чистые поля...

А ведь такая невероятная красота вокруг!

Сугробы примостились на вершинах деревьев... Кристаллами снега украшен каждый сучок. И даже пеньки выглядят детьми в растянутых вязаных шапках. Крупные, как куры, дятлы в красных манишках, шалят, слетая с дороги прямо в тяжёлые ветки сосен...

Тут же рядом — белка. Вычесав из шубки сор и обмороженные семена, неторопливо и аккуратно, волосок за волоском, очищает их, подносит по-одному близко к глазам и, потянув ноздрами

глубоко заснувший запах еды, согласно кивает. Потом, растягивая удовольствие, откусывает от каждого крошечного семечка дважды...

А когда кусать становится уже нечего, белка, расставив пальчики маленькой цепкой руки, обиженно царапает белый воздух... Одной лапой... Потом другой... И зевает: «Ма-ало!»

Но нам не ощутить радостей этой лесной жизни, куда мы едем мимо. И нам кажется, что лес стоит у края дороги. А на самом-то деле, это мы едем по его границе!

Как удивительно устроен быт русского человека. Весну, лето и осень он суетится, пытается набить дупла своих подвалов картошкой, морковью, огурцами и яблоками. Словно большая безволосая белка, он оценивает и сортирует ягоды и грибы... Устраивает свой быт и отдых так, чтобы ему было удобнее, приятнее... Но стоит первому снегу обозначить границы своих владений, как русский человек впадает в некое подобие зимней спячки.

Он не возводит ледяных скульптур у себя во дворе, не строит пещер из пиленного снега... По вечерам он утомительно долго пьёт чай с вареньем, и крайне неохотно выбегает по нужде, ступая след в след самому себе позавчерашнему.

О чём он только думает, этот русский человек!? Он, вероятно, воображает, что зимние месяцы не идут в зачёт прожитых лет...

Как бы не так...

Утро

Кот глянул на меня нежно, тяжело запрыгнул на стол рядом с чашкой, в которой была наша последняя заварка, тихо фыркнул и стал хлебать. Быстро, жадно... Изредка поднимал левую кисть и серой ладошкой отгонял от края штурвал лимона. Не заметив неодобрения, он завершил начатое. Сыто вздохнув, благочестиво окропил пространство, досадливо махнув мокрой дланью. И тут же свалился на пол, где немедля состриг солнечный локон, выпавший из пряди утра.

- Оп-па! Поймал!..

А тем временем за окном... За полотном стекла, заправленного в раму, всю сплошь заляпанную маленькими следами лап гурмана, насмотревшись на непотребства и беззакония домашнего тирана и властелина, ворон выкрал с акватории рукотворного пруда пластиковую фигурку утки.

Довольно скоро он ощутил, что не мягкое трепещущее тело несёт за тридевять земель в тридесятый дистрикт. Перемороженные лапы прототипа сказочной избушки престарелой лесной феи, подвели его. В который раз за эту весну.

- Что это?! Очередная пластиковая фигня! Не такая, которую обыкновенно вышвыривают из окон пассажирских вагонов, побогаче, но - толку от неё, одна бестолочь...

И ворон обратился коршуном. И швырнул он тво-

рение рук человеческих на рельсы, прямо под блины колёс товарного состава... Расстроился, видно... болезный...

Да! Кота-то, после чаю с лимоном,- гм... стошнило... Конфуз, однако...

Мужчина и кот

— Слушай, а можно сейчас быть, как раньше, философом?

— В смысле?

— Ну, сидеть в бочке и рассуждать о непонятном...

— Да, чтобы рассуждать, необязательно быть философом...

— И не нужно сидеть в бочке?

— Ага! Точно!

— А ты замечал, что всё смешное, в чём нет грусти, — или пошло, или банально, или грубо?..

На крыльце дома у дороги расположились мужчина и кот. Молча наблюдают за тем, как жизнь проезжает мимо...

И так спокойны! Им невдомёк, что небо над их головой все больше похоже на головокружительный от синевы небесный свод горного Колорадо. И не откуда бы ему тут взяться. Да тут он. Стоит лишь поднять голову.

Равнина уравнила всех в праве на взгляд вверх. Тому, кто повыше, чуть ближе к небу. Кто пониже -

ближе к земле... Казалось бы!...

- Небо... Да кто туда смотрит?! Чьи лица обращены ему навстречу?

- Считай! - Синоптик, влюблённый и ...усопший...

- Первый - безнадёжно закоренелый враль. Его подбородок или нос, в соответствие с сезоном, похож на флюгер, подмёрзшую морковку или сосулькой растаявший кран. Двое других погружены в себя настолько глубоко, что определённо потеряны для общества. Один -на время эмоционального наркоза...

- Другой - по причине критического несоответствия возвышенного состояния Души и приземлённости тела...

Впрочем, смотреть в небо небезопасно. Если случайно опрометчиво и воодушевлённо представить себя на месте птицы, и увидеть землю, деревья, и собственно людей,разглядев свысока их реальные размеры... Весьма определённо появится соблазн воспользоваться моментом, и не возвращаться в мир, где бесценное не находит своего почитателя, а непотребство — самый ходовой из товаров народного потребления.

- К тому же, птицы так поют в темноте! Им фактически наплевать на то, что день давно задёрнул шторы. Они поют, зажмурив глаза, с самого утра... И так славно поют, знаете ли, что дворовым собакам становится стыдно проявлений своей склочной натуры.

Они находят уголок песка посуше, сгребают зарёванный утренней росой слой, и перемешивая сладость уже подкравшейся дрёмы с пыльным кварцем, вкручивают тело поглубже, засыпая, лишь только первый муравей выбежит посмотреть на просвечивающееся сквозь мохнатый кулак леса светило. Как только светлый луч оставит слабый след на темной гладкой поверхности его глаз, - считай, что начат день... А пёс пусть выпится...

Кстати, знаете отчего собаки так любят смотреть на своих хозяев? Лежат, наблюдают... ищут возможности встретиться взглядом, одобрительно кивают хвостом при его появлении... А уж как улыбаются навстречу ответной гримасе!!! Неужели собаке так интересен щербатый оскал того, кто выводит её на прогулку, и дважды в день наполняет миску не слишком сытной едой?! А то! Собака знает, что улыбка - бесценный эпиграф человеческой любви к миру. Исчезает она, и пропадает желание жить. А жратва... Она, безусловно, нужна. Но так скоро превращается, сами понимаете, во что...

Предчувствия

Что наполняет нас дурными предчувствиями? Пытавшаяся пролететь сквозь стекло птица? Открывший солнцу своё беззащитное пузо ёж прямо посреди дороги? Жук-плавунец, мстительно размазанный подошвой по тротуарной плитке?

Увы, мы не настолько ранимы.

Но за каждым рассветом тянется розоватый хвост вечерней зари, и нас пугает невозможность пресытиться этим всерьёз.

Сгоряча? Пожалуй... Но только не в самом деле...

Котёнок и облако

Дело было весной. Облако, туго взбитым яичным белком, сибаритствовало на бархатном ложе молодой листвы старого березняка... Ветер нежно ерошил ирокез молодых сосен, проводил влажной ладонью по тёмной щетине зрелых, тихо вздыхал подле желтеющей хвои сутулых стволов. Вздыхало Облако не только потому, что ему было жаль заболевших старостью сосен. Оно старалось дотянуться до травинок, на которых грелись божьи коровки. Те были так похожи на красивые блестящие круглые конфеты, покрытые каплями шоколадной глазури... Их вовсе не хотелось портить укусом! Лишь намочить прикосновением. Слегка...

Облако откровенно суеилось, недовольно сопело и ёрзало, да так, что самая взрослая сосна не выдержала и одёрнула его за край: "А ну-ка... Сиди смирно! Мне лишние волненья не к чему!" - и шлёпнула для порядка по рыхлому клубочку, который нависал над верхней и самой сухой её веткой. Сосне было о чём задуматься. Дома людей, приютившие прожорливых, выдыхающих дым

чудовищ, были совсем недалеко. И питались они...
- ...теми из нас, кто устал стоять, или сломлен
напором недоброго ветра,- укоризненно
втолковывала Старая Сосна Облаку, чью
наивность и неосведомлённость, можно было
причислить скорее к детской неиспорченности,
чем к хорошо укоренившемуся невежеству...

Старая Сосна выговорила и почти успокоилась,
но для придания своим словам большего веса,
шлёпнула Облако ещё раз. Совсем легонько! Но от
его края отслоился тот самый клубочек, легко и
плавно скатился по пышной юбке сосны, да прямо
к её подножию. Вместо того, чтобы растаять, он
сделался плотным, упругим... И через мгновение,
на глазах у немногочисленных ещё жителей
весеннего леса, вкатился на поляну совершенно
очаровательным, кипельно-белым котёнком.

- У вас на лбу что-то прилипло,- сиплым от
изумления голосом сообщила котёнку Старая
Сосна.

И действительно, над правым, безукоризненно
голубым глазом котёнка, обнаружился участок
ворсинок ржавого цвета, вперемежку с чёрными
пучками, который издали можно было принять за
божью коровку. Она, конечно, не была гладкой и
блестящей, глазурированной, так как была
ненастоящей...

- ...но тоже - весьма недурственно,- важно

пробормотало Облако, прищуриваясь в сторону своего неожиданного, но уже любимого дитятка свысока...

Котёнку нужно было время, чтобы справиться с головокружительным во всех смыслах перемещением из высших сфер на землю. Он не был готов к нему. Но, даже если бы и предпринимал какие-то действия в данном направлении, в этом не было бы никакого толку, ибо...

- С высоты всё выглядит совершенно иначе!- воскликнул котёнок.

- Безусловно! - немедленно отозвалась Старая Сосна. - У кого-кого, а уж у меня-то была возможность сравнить. Когда я была ребёнком, любая травинка казалась выше и сильнее. Любой неосторожный шаг, кем бы он не был сделан, мог убить или сильно искалечить. Зато теперь я кидаюсь шишками в кого захочу, и никто не в состоянии навредить мне, как бы ни старался.

- Но ты что-то рассказывала нам с мамой о ветре, которого ты опасаясь и о людях, чьи дома отапливают дровами.

- Ты назвал Облако мамой?!- изумилась Старая Сосна, почти не обратив внимания на нетактичное упоминание трагической перспективы.

- Конечно,- котёнок кротко взглянул наверх, тихо вздохнул и продолжил,- и у нас с тобой один общий враг. Он может прогнать мою маму, а если

рассердится, то подтолкнёт тебя в спину и ты упадёшь.

- Ты слишком умный для того, кто только что появился на свет,- проворчала Старая Сосна.- Подойди поближе.

- Зачем? - поинтересовался котёнок.

- Во-первых, я хочу получше тебя рассмотреть. А во-вторых, это единственно возможный для меня способ защитить тебя. Я не умею ходить и бегать, но в состоянии сомкнуть ветви над твоей головой, если потребуется.

- Да-да! Мы с мамой наблюдали, как ты танцуешь по утрам!

- Это не танцы, мой милый! По утрам я делаю зарядку: взмахи руками, наклоны и лёгкие повороты корпусом. Надо уметь держать спинку!

- А зачем? - спросил котёнок.

- Чтобы выдержать напор ветра, когда придёт время. - спокойным голосом сообщила Сосна.

- А ты выдержишь?- с надеждой в голосе спросил котёнок?

- Не факт,- ответила Старая Сосна,- но надо будет постараться. Мне бы не хотелось оставлять тебя одного. Как не крути, а я виновата в том, что ты тут очутился. Свалился, как говорят, с небес на землю. И, кстати, кое-что пришло мне в голову. - Любезное, - обращаясь уже не к котёнку, а к Облаку, солидно произнесла Сосна,- если у вас возникнет необходимость, не стесняйтесь,

держитесь за меня. Вашему малышу явно рано бродить тут одному, без присмотра.

- Благодарю,- отозвалось Облако и покрылось румянцем, что направо и налево раздавал закат, который присутствовал тут же, и , притворяясь бесстрастным, гнал с неба прочь за ворота горизонта упирающееся солнце.

Дни наступали на подол одежд друг друга, диадемы звёзд украшали бархатные наряды ночей, а луна едва успевала раскидать по влажным диванам полян свои нескромные полупрозрачные накидки, чтобы заявиться на поверку утра. Растрёпанной, помятой, но сияющей от флиртующих ночных шалостей, позволительных лишь ей одной.

Белый котёнок устроился меж корней Сосны. Просыпаясь по утрам, он не спешил сверять цвет своих глаз с цветом неба. Томно щурясь он потягивался, шевелил ладошками , выпуская коготки и лишь затем отводил шторку ветки , отыскивая взглядом маму. Облако чаще окутывало макушку Старой Сосны, но иногда дремало у неё на плече.

- Ма-ма! - будил котёнок Облако.- Ма-а!

- А! - испуганно отзывалось оно,- что случилось? Ты в порядке?

- Ничего не случилось! Я тебя люблю!

- И я тебя люблю, маленький! - шептало Облако с высоты.

Сосна и Облако так обступили котёнка своей заботой, что он буквально ощущал себя стиснутым коконом пелёнок. Стоило ему сделать несколько шагов вне тени нижних ветвей сосны, как раздавалось скрипучее «Куда?!» и требования «Немедленно вернуться назад» под её сень. Облако немедленно соглашалось с тем, что с безумием самостоятельных прогулок может сравниться лишь предшествующее низвержение его части с последующим формированием...

Котёнок в таких случаях перебивал маму:

- Ты слишком долго рассматривала метеорологов и их станцию, мам!

- Как ты разговариваешь?!

- Не сердись, пожалуйста! Ну зацепился я, ну - упал. Надо же теперь пользоваться возможностью и рассмотреть подробно - как тут и что. Интересно же!

Облако горестно вздыхало, но в чём счастье родителя, как не в потакании разумным слабостям своего ребёнка?!

- Ладно. Ты прав, котёнок. Можешь гулять в светлое время суток. Но пожалуйста, рассчитывай время своего возвращения так, чтобы нам не приходилось волноваться - где ты и что с тобой. Обещаешь?

- Конечно! - обрадовался котёнок. - Обещаю и клянусь! Закат никогда не застанет меня врасплох!

Наутро следующего дня Старая Сосна, на

виду у Облака, которое молча пенилось, напутствовала котёнка перед его первым самостоятельным путешествием:

- Не всему, что видишь в лесу можно верить.

Видишь, вон те кусты неподалёку?

- Вижу!

- Так вот это не кусты. Это олени. Волоокие, озорные, упругие. Замерли в ожидании, что ты перестанешь смотреть в их сторону. Отвернёшься и они сразу убегут.

- Да ну? - удивился котёнок. - Насколько я могу судить, ржавчина последнего июльского дня тронула эти кусты барбариса, и они останутся такими до той поры, пока иней и мороз не вскружат им голову. Тогда уж и почернеют, и падут ниц, признавая превосходство зимы.

- Когда ты говоришь о таких вещах, мне становится не по себе, - вздохнула Сосна.

- Ну, так я же был частью Облака! И многое повидал. Рассказывай лучше о том, чего опасаться сейчас, когда я стал котёнком?

- Ты знаешь, если отбросить родительские страхи, на основании которых стоит бояться всего на свете, мне не приходит голову ничего определённого. Каждый из нас воображает себя центром мира, но является лишь малой его частью. Каждому кажется, что все вокруг смотрят на него, и жестоко ошибаются в этом.

Зная себе истинную цену, не отыскав ничего

стоящего, пугаются - вдруг кто-то заметит?! И принимаются спешно маскировать изъяны нарочитым равнодушием, агрессией, яркими нарядами. Но стоит только заинтересоваться собой... Понять, кто ты есть. Почувствовать интерес к самому себе, как на тебя тут же обращают внимания окружающие.

- И что это означает? Мне не стоит никого бояться, кроме себя?!

- Замечательный вывод! Но неверный. Бояться не надо. Остерегаться стоит. В особенности - своих реакций на окружающий мир.

- Слушай, ты меня запутала!

- Если честно, то и себя тоже... Знаешь, если в двух словах,- ни с кем себя не сравнивай. Смотри внимательно по сторонам. И возвращайся домой засветло. Договорились?

- Договорились... - ответил котёнок.

Разговор со Старой Сосной настолько растревожил котёнка, что пересечение границы тени её ветвей, к которому он так стремился, прошло незаметно и буднично. Будто бы не впервые... Из задумчивости его вывел скандал семьи ласточек, случившийся прямо над головой. Родители увещевали дитяtko. Было не совсем понятно, они уговаривали его что-то сделать, то ли, напротив, чего-то не совершать. С высоты, на высоких тонах да ещё свысока несмышлёныш

перечил стройному, почти на треть меньше его, отцу. По-блатному, через клюв. Мать не выдержала, сорвалась, и накинулась на несмышлёныша. Надавала пощёчин. Тот раскрыл рот почти до желудка, захлебнулся рыданием. И родители его, в два клюва - а ну как пичкать мягкими мошками и сочными мушками. А птенцу только того и надо. Оказывается, родители уговаривали его попробовать кузнечика, но тот показался слишком жестким...

Котёнок подмигнул хитрой птице и пошёл дальше.

- Я бы так не стал делать. Что мама дала бы, то и съел. Ой! Сказала же Старая Сосна: «не сравнивай себя ни с кем». Я начинаю понимать, отчего.

Будешь казаться себе лучше, чем есть, или хуже. Перестанешь быть собой... Мда... Погулял, называется... - пробубнил себе под нос котёнок и развернулся в сторону дома. С некоторых пор лукошко углубления меж корней Старой Сосны, обитое замшей мха, стало его домом. Туда-то котёнок и направился.

- Что-то ты рано!- окликнуло его Облако.

- Потом.- отозвался котёнок, обернулся вокруг себя трижды и улёгся, прикрыв глаза кончиком хвоста.

- Спит? - встревоженно спросило Облако у Сосны.

- Думает. - ответила та.

На следующее утро котёнок дал себе слово

потратить день на то, чтобы научиться радоваться жизни. Просто так, без оглядки. Он шёл по тропинке, вдыхал сладкий медовый, ещё нежаркий лесной воздух. По небу летали чьи-то мамы.

Мамы-облака и мамы-птицы.

Котёнку вдруг очень захотелось перестать быть котёнком, а, как раньше летать с мамой за ручку и разглядывать дома, как спички, кусты леса и заводные мошки маленьких собак. Он едва не зарыдал, как вдруг, прямо посреди тропинки наткнулся на пчелу. С первого же взгляда было понятно, что пчела надорвалась и упала. Обычно пчёлки хватают свои ярко-жёлтые авоськи и торопятся домой, кормить-поить детвору и чистить-проветривать улей. А эта пчела не рассчитала своих сил, нагрузилась больше обычного. По две, по три сетки с провизией зажала в каждой руке, и опрокинулась навзничь после первых секунд полёта.

- Эй, пчела! Помочь? - спросил котёнок.

- У-у-у...

- Да не гуди. Давай переверну тебя.- котёнок аккуратно поддел чересчур хозяйственную родственницу муравьёв и ос коготком и немного приподнял её над землёй. Пчела попыталась взлететь, взмахнула крылышками пару раз и вновь рухнула на землю, демонстрируя бархатную жилетку всему свету, который, казалось, смеялся над ней.

- У-у-у... - обиженно гудела пчела.- Смеют смеять-

ся...

- Я не смеюсь! Давай стряхну немного пыльцы. Не жадничай.

- У-у-у... - сокрушалась пчела и отталкивала его.

- Да не ёрзай ты, пораню!- Котёнок ронял жёлтые мясистые комочки, и когда бОльшая часть пыльцы смешалась с песком под ногами, пчела смогла, наконец, оторваться от земли. Она летела и громко возмущалась, что даром пропали и силы, и время, и продукты.

Пока котёнок возился с жадной пчёлкой, солнце взобралось уже почти на самую макушку дня. В животе голодного леса пробурчал волчий вой, а котёнок понял, что очень хочет пить и пошёл в сторону небольшого пруда, который он приметил со времён, напоминовение о которых вызывали у него желание поплакать.

- Так... Он должен быть где-то здесь. - котёнок свернул с тропинки, вышел прямо на берег и наклонился к воде. Не успел_сделать и пары глотков, как ласточка, шлёпнув его по затылку,_спланировала на полузатопленное бревнышко посреди пруда. Расставив ноги на ширине плеч, как во время утренней зарядки, начала слегка помахивать крыльями. Вверх-вниз, вверх- вниз. Бревно стало раскачиваться, опускаться под воду всё глубже и глубже, пока вовсе не скрылось в её глубине. Вместе с птицей на борту! Через мгновение бревно выскочило на поверхность для вдоха и купальщица

защебетала восторженно. После, озорно и кокетливо отряхнулась, и тут же взмыла ввысь. Пара гребков по волнам небес, и её крылья вновь сухи до скрипа и блестящи до изнеможения глазам. Птица делает резкий поворот и возвращается к водным процедурам. Жарко. И думать лень, и летать лень тоже.

Но не всем. Пара воробьёв скачет с места на место на финский манер и клюёт тимофеевку. Тот, что постарше выбрал колосок, сломленный дождём. Подобрался к нему аккуратно и стал насыщаться. Степенно и неторопливо. А молоденький спланировал на середину самого высокого стебля, скатился по нему вниз, припечатал гусеничку колоска одной ножкой, другую пристроил на камешек и так браво, по-гусарски начал пировать. А после и вовсе разошёлся: подхватывая с земли вылезших на поверхность дождевых червяков, лупил их о пересохшую каменную почву и глотал. Целиком.

Котёнок наблюдал за этим безобразием и удивлялся:

- Воро-бей. Он избивает червяков, прежде, чем съесть. Из соображений гуманности или опасается нападения? С тыла!

Пока птицы отвлекали внимание на себя, отдохнуть на берег пруда явился уж. Не полз, пресмыкаясь, а именно, что явился. Вот, кажется, ми-

нуту назад его не было, а гляди уж - уж! Свернувшись московским кренделем, свесив хвост в воду, помешивал её время от времени. Как суп. Чтобы остыл поскорее. Небольшой водоём, с его точки зрения, действительно выглядел, как приличная тарелка щей. Пара лягушек, три карася и несколько видов водорослей в роли капусты.

В какой-то момент котёнок расслышал хруст, доносившийся со стороны пруда. Было ощущение, что мышь забралась от жары в воду и грызёт её с досады. Котёнок притянул мягкими лапками землю с прудом на ней к себе поближе, чтобы разобраться, в чём дело. Оказалось, звук издаёт не мышь, а рыбка, обгладывая нижнюю часть листа кувшинки! Да так громко!..

Этот день котёнку явно нравился. Чтобы не заставлять волноваться о себе, он решил, что на сегодня впечатлений достаточно и можно возвращаться домой.

На следующее утро котёнок проснулся от того, что рядом с ним сидела большая чёрная вкусная муха и потирала руки. Он ловко поймал её в кулак, перекинул с ладошки на ладошку, как горячий оладушек и закинул в рот. Шумно сглотнул. Припомнив вчерашний день, улыбнулся в усы, приторно равнодушно зевнул и даже не дав себе времени потянуться разок-другой, отправился опять к пруду, по знакомой уже тропинке. В надеж-

де на новые знакомства.

Первым ему встретился совершенно невероятный чёрный слизень. По размеру он мог бы соперничать с небольшой змеей. Моллюска не смущало отсутствие домика на спине. Он довольно безрассудно прокладывал свой скользкий путь прямо по центру дорожки, где уже, как результат бессмысленной бравлады, лежали поверженными жуки-солдаты, дуэлянты. За кого дрались? За кого отдали свои цветущие жизни? Глупо... Там же были оставлены и запасные челюсти олень-жука. Было очевидно, что они ему больше не к чему. То ли подался в пацифисты, то ли что похуже.

Дорога привлекает многих. Кто-то использует её, а кого-то эксплуатирует и она сама.

Добравшись до знакомого пруда, котёнок обрадовался тому, что увидел своих вчерашних знакомцев. Ласточка делала перед завтраком утреннюю зарядку: тянула правое крылышко, левое, потом лопаточки вверх и в стороны.

Лягушонок охотился на комаров, как в шашки играл:

- А мы вас эдак вот!- и галсами по бережку...

Когда уставал, начинал озорничать. Забирался на бортик берега, поджидал, пока рыбы подплывут ближе и прыгал им на голову, хулиган. Точно, как юный спортсмен из школы олимпийского резерва, в редкие минуты свободного плавания.

Караси время от времени располагались треугольником. Лицом друг к другу. Обсуждали погоду, по всей видимости. Ибо это единственная, общая для всех тема, не вызывающая разногласий : погода никуда не годится, и как её не предугадывай, толку не будет.

Совершенно неожиданным для котёнка оказалось вторжение в этот тихий интересный мир людей. Ещё более удивительным было то, что ни рыбы, ни птицы, ни даже осы никак не отреагировали на их появление. Людей было двое. Они не таились, шли спокойно, разговаривали громко, жестикулировали, не стесняя порывов:

- Нет, ну ты представляешь?! Вывожу я позавчера перед сном собаку, свечу фонариком в сторону леса, а там лосиха с лосёнком. Стояли не шелохнувшись, прислонившись боком к тени леса. Отражали зрачками тусклый свет , приумножая свечение. У мамы нос, словно кожаная кепка на гвоздике. Ребятёнок не шалил. Доверчиво обнюхивал меня издали. Спустя минут десять, оба подошли к дому и, фыркая и отдуваясь, выпили всю воду из нагретых солнцем за день посуды. Гремели вёдрами на весь спящий лес. Судя по их поведению, не весь лес спал!

- Здорово...

- А за неделю до того наблюдал, как они переживают подле железнодорожного полотна, пока проедет поезд, и другой - встречный. Лесники врут

ловко. Мол, звери попадают под поезда! Надо ог-
радить рельсы! Да пращуры этих зверей детьми
наблюдали строительство железной дороги. Пони-
мали сами и детям передали умение соблюсти се-
бя, чтобы выжить. Но внезапная помеха, испуг, не-
доброе вторжение может оказаться роковым в их
судьбе.

- Так ты не в курсе?

- А что такое?

- Вчера лосиха с лосёнком были сбиты поездом.

- Кошмар! Это ужасно... Они не могли сами. Их на-
верняка кто-то испугал!..

- Конечно...

Котёнок с интересом прислушивался к разго-
вору людей. Их совершенно определённо не надо
было опасаться, но навязать своё общество или об-
наруживать присутствие ему не хотелось.

Между тем, люди продолжали беседу:

- На днях видел, как олень стучал в дверь соседа.

- Ему он, видно, тоже задолжал!

- Вот даже не сомневаюсь! Кстати, знаешь, у меня
такое ощущение, что всё, что люди выдают за свои
сочинения, им не принадлежит.

- Ты о чём это?

- Вышел я тут как-то утром, а из леса такой чёткий
ритм, - «Танец с саблями», нота в ноту! Хачатурян
перенял тему у птиц, не иначе.

- Правда? Не замечал. Надо прислушаться.

- Прислушайся, прислушайся! Один в один! Не вся тема, само собой, а вступление...

- Я тут намерен вознамерился почистить-таки бассейн. Там личинок комаров - видимо-невидимо. А среди них, как Владычица морская - лягушка. У неё необычное для наших мест тело и расположение пигментных пятен. Когда она прикрывала свои умные глазки, становилась похожей на кусок рас-трескавшейся глины. Такая интересная. Я в руки её взял, а она заговорила. Просила отпустить. Тоненьким голоском . Как девочка.

- Отпустил?

- Обижаешь! Отпустил, конечно.

- А мне лень было вчера выходить из дому. Сидел и наблюдал за рыбами подле аквариума.

- Достойное занятие!

- Ты смеёшься, а я и правда наблюдал кое-что интересное.

- И что же?

- Во-первых, семена лилий ведут себя вполне разумно. Блуждают по аквариуму. Дразнят рыб. Рыбы дразнят их.

- Занятно.

- Не то слово! А наш Гуманоид оказался весьма самоотверженным парнем!

- Это ты про кого?

- Про рыбку-попугая. Он защитил сома от комет. Те не давали ему всплыть чтобы вдохнуть.

- Ну и ничего себе! Сам чувствует себя неудобно в

их присутствии, а вон гляди-ка, не бросил в беде товарища. Может, случайность?

- Сперва я тоже так решил, а потом стало ясно, что рыбы-кометы закрывают поверхность пруда в том месте, где сомик намерен вынырнуть для вдоха.

Гуманоид заметил такое дело и прекратил безобразия. Прямо в животы носом толкал, как камешки свои, которыми любит играть на дне.

- И отстали?

- Представь себе, да!

- Здорово!

Люди разговаривали, а котёнок подбирался к ним всё ближе и ближе. И забрался под скамейку, на которой они сидели. А те, казалось, не видели в этом ничего необычного. Ну, сидит котёнок, внимает...

- Ты его давно заметил?

- Давно. Жду, пока он сам предложит познакомиться.

- Милый, да?

- Ага! На Мурёнку похож. Слегка.

- Похож.

- Послушай вот это. «Август - скряга. Сматывает клубок дня, кладёт его в плетёную корзинку рядом с осенними опятами. Натирая кроны деревьев на рассвете медью, сетует на свою расточительность, а ведь даже май не жалеет злата... Перманент июльского зноя пережёт пряди травы, а холодная роса августа сбивает её в неряшливые колтуны...»

- Хорошо. Но грустно.

Котёнок сидел, слушал разговоры людей и задержался у пруда допоздна. Он забыл о своём обещании, что дал Старой Сосне и Облаку, встречать закат дома. Сосна пыталась объяснить, что встречают рассвет, а провожают закаты. Но котёнок не согласился:

- Это несправедливо. Если все будут радоваться восходу солнца и никто не обрадуется его закату, оно расстроится и следующий день будет грустным и серым,- сказал он тогда.

Старая Сосна и Облако так разнервничались из-за того, что котёнок не вернулся вовремя домой, что решились на крайние меры. Такой мерой было призвать вездесущий ветер, опасный для них обоих. Он легко согласился помочь разыскать котёнка, но предупредил:

- Я не волен в последствиях моего вмешательства.

Сделав пару пируэтов, так что листва штопором взвилась над землёй, ветер устроился прямо в центре поляны. Подобрал под себя ноги, потер одну об другую ладони и развёл их в стороны, как бы отталкивая пространство от себя прочь. Воздух стал плотным, зримым. Деревья, вениками, засуетились по небу, сбрасывая сор листвы. Скрипя тугою дверью в следующую жизнь, Старая Сосна потянула руки к земле, и, едва прикоснувшись, рванула её на себя. Облако оторвалось от вершины Сосны, не

дожидаясь, пока та упадёт. Поскользнувшись на влажном воздухе, оно быстро оказалось далеко за пределами странствий своего непоседливого ребёнка. Однако успело разглядеть маленький белый комочек, прятавшийся под скамейкой подле пруда, где сидели двое. Люди были людьми, по наблюдениям Облака. «Этого довольно для жизни, но слишком мало для матери», - думало оно, увлекаемое движением сильных прозрачных рук.

- Я предупреждал! - сокрушался ветер.
- Я нашла его! - сквозь слёзы отвечало Облако.

Котёнок расслышал эти слова, и коснулся голубой дымкой своих глаз той... то, частью чего он был совсем недавно.

День плотно прикрыл ставни. Вода в пруду сделалась холодной и густой. Котёнку стало понятно, что уже наступила осень и Облако не вернётся... По-крайней мере до весны. И ему как-то над устраиваться в этой жизни. Искать кров и тёплый угол у той самой печки, которой некогда не без оснований опасалась Старая Сосна... Котёнок ещё раз глянул в ту сторону, куда ускользнуло Облако, грустно вздохнул и сделал первый шаг. Свой первый шаг навстречу людям.

- Какой хорошенький! - сказал первый.
- Какой грустный... - заметил второй.
- А отчего?
- Он потерял свою маму...

Жалость

*Хорошо, что дни рождения не чаще раза в год.
Время летело бы ещё скорее...*

Жалость выглядит и выражается по-разному. Слишком часто мы намеренно глумливы, неоправданно жестоки. И славно, что это не всегда так. Радости мимолётны, горести неоправданно длинны. Но... Разве бывает для жизни "долго"?

Лето выдалось довольно жарким, и каждый вечер в пруд под моим окном прилетает кукушка. Она не ждёт подвоха или обычной для человеческого существа подлости, и потому спокойно терпит моё неназойливое присутствие. Сперва, как грузный от летних излишеств дачник, птица кружит, мелко семеня долговязыми ногами по берегу у самой кромки воды. Остывает, похлопывая себя по вздыбленным юбкам. Потом, шумно набрав воздуха в лёгкие, перебегает по поверхности пруда с одного края на другой. По воде, аки по суху. Удивляется своей удали, радостно подпрыгивает на месте, кружит, в обратную коловороту, сторону, а после... с разбега - на лист кувшинки! Нимфея, притворно удивляется удали молодого нахала. Нарочито серьёзно покачивает головкой, но укоризна остывает в прохладной воде довольно скоро. И, нежно поглаживая упругую поверхность воды, листья баюкают заодно и кукушку. Жалеют её. От-

крытую, чистую и честную перед жизнью, перед собой и перед каждым из нас...

Казалось бы, что нам до неё , а ей до нас... Впрочем, устремлённость к звёздам не отменяет необходимости анализировать будни. Кем бы ты ни был.

Кукушонок

Памяти Леонида Семаго.

О природе и птицах, которых он так любил...

Двадцать лет назад, мой маленький сын бегал кругами по комнате и кричал на весь Свет:

- Я - хороший! Я - хороший! Я - хороший!

В ту пору это казалось первой милой попыткой заявить миру о себе. О том, что ты открыт всему, что тебя окружает, и доволен фактом существования. Однако некоторое время спустя, стало понятно, что то было действие иного характера. Чётко и громко выкрикивая слова, ребёнок задавал ритм своего бытия.

Я чувствую себя добрым и важным человеком. Сегодня.

Впрочем, добрым и важным невозможно быть самому по себе, независимо от. Кто мы и какие, можно понять лишь по нашей реакции на внешние раздражители. Которые тревожат нас,

или злят, или выжимают слезу...или подталкивают на совершение таких действий, которых мы сами от себя не ждали...не представляли в подобной роли! Или даже не хотели видеть себя там, куда приводят стремительные и прозрачные порывы души, к чему подталкивает очередное первое сердцебие-ние.

I

Итак. В тот день, сделать меня доброй было поручено раненому псу. Он бежал ко мне вдоль железнодорожного полотна на двух лапах и кричал: "Я - здесь! Я - здесь!"
- Мой милый, мой маленький, мой малыш... Кто тебя так? За что? Зачем?

Псу, действительно, приходилось перемещаться на двух лапах, - левой передней и задней, с той же стороны. Передняя левая стала широкой и растоптанной, как лапоть. Распухшее плечо справа, уравнивало нарушенную гармонию маленького тела. Если бы он думал о боли, то скакал бы на единственно уцелевшей передней левой. Но не о ней думал он. Дорога, покрытая рассыпанным гравием, неудобна для ходьбы даже в ботинках на толстой подошве. А уж ступать по ней мягкими маленькими лапами, подворачивая пальчики, которые проваливаются меж камней совершенно неудобного размера: недостаточно крупных, и не слишком мелких...

Собака сделала усилие, и выдернула себя из

колеи, чтобы мне было удобнее идти рядом...
- Что ты?! Зачем?! Маленький мой, иди по мягкому... Или нет, не надо никуда ходить, посиди! Посиди, я принесу тебе покушать...

Пёс слегка помедлил, но разрешил себе сесть. Он помнил вкус горячей почти мясной каши, которой я кормила его трижды в день зимой, и знал, что не подведу. Тогда, в прекрасную пору зимних скрипучих вечеров, было страшно думать о том, что за порогом жарко натопленного дома, поджимая под себя лапы, в сугробе сидит Малыш, - яркий, неправдоподобно красный мальчик, фактически - бастард, вымесок - щенок, рождённый таксой от проезжего молодца рыжей масти.

Его первый случайный хозяин, патологический враль и неисправимый пьяница, привёз малыша к себе домой, где нелегально жил на полустанке в старом деревянном доме, доставшемся ему от бабки. Не стараясь угодить собаке, мужик кидал ей в миску рыбы головы и плавательные пузыри. Малыш быстро понял что к чему, и сменил неудобоваримую диету, затянувшийся рыбный день, на вполне сытую и почти предсказуемую жизнь охотника. Малыш мышковал получше иной лисы. Он стал упитанным, блестящим и весёлым. Но, сменив стол, он не поменял хозяина, а продолжал сносить его пинки, дурно пахнущую брань, изрыгаемую по поводу и без... Даже миску с бесполезной рыбой чешуёй он по-прежнему вылизывал до блеска, что-

бы не обидеть хозяина, существование которого воспринималось, как данность. Как дар. Как разумеющееся само по себе... Но... человек - существо безответственное, и, наигравшись в собаководства, мужик захлопнул двери своего коридора перед мокрым носом Малыша в разгар осенних ливней.

Несколько лет Малыш ждал, что хозяин позвёт его назад. Был вежлив и приветлив со всеми, но предпочтение отдавал тому, кто унёс его от тёплого бока неразборчивой мамы. Малыш прятался от непогоды где придётся, благодарил за хлеб и каши, отведал всевозможные виды неряшливо обглоданных чужими челюстями костей и варианты сухих кормов... Но ни к кому в дом не шёл. Подтверждая теорему собачьей верности своим примером, усугублял чувство вины всех, кто случайно или намеренно оказывался рядом.

Но... Малыш выглядел беззаботным! Сопровождая местных жителей во время прогулок по лесу, время от времени становился в стойку, тихо растворялся в лесу, и почти беззвучно возвращался, помахивая хвостом, как веером. От Малыша, в таких случаях, немного пахло серым мышинным хвостиком. Он непременно демонстрировал в улыбке неправдоподобно белый, как говорят, — сахарный ряд зубов, и вроде извинялся: «Что поделаешь, жизнь такая. Кушать-то надо...»

Впрочем, домашние питомцы и живность

местных жителей гуляла мимо носа Малыша без опаски. В своём гнезде, как известно, предпочитают не чудить...

Несколько ночей подряд в лесу ревел лось. Протяжно, почти по-волчьи, но гуще, страшнее, безысходнее... Волчий вой похож на озорную песню, на переключку подростков, прожигающих взглядами нескромные наряды сверстниц. Рёв лося страшен. Когда он выступает из чащи леса, словно из ковша, на дне которого плещется зеленоватая теплая каша речки. Едва ночь растушевала холодный ужас, рождённый негодованием лесного исполина, как один за другим раздались несколько выстрелов...

Малыш сутки истекал кровью, потом приполз к почтальонше, которая почти насильно приютила его у себя прошлой зимой. Честно говоря, немного жаль, что сие название не в чести, и считается более разговорным, нежели приличным в употреблении. Почтальон — подвыпивший мужик в прожжённом ватнике, едва удерживающий равновесие на своём крепком, но давно ржавом велосипеде. А вот почтальонша... Дородная дама, бывшая доярка, переехавшая в город к сыну лет пятнадцать назад, чтобы помочь с внуками. Внуки давно научились стесняться бабулю, И на людях воровато вырывают из крепкой руки свои цыплячьи ладошки. Чтобы не быть обузой семье сыночка, бабушка разносит по домам письма, извещения, пен-

сию, и редкие нынче газеты. Её знает в лицо вся округа. Часто заговаривают, и непременно удивляются тёплому запаху покоя и парного молока, которое намертво прилипло к этой усталой женщине...

Не устоял от искушения найти уют и покой рядом с почтальоншей и Малыш. Взывая к небу, и взывая, пёс взобрался на высокий порог её дома и потерял сознание.

Женщина проснулась от страшных стонов по ту сторону двери.

- Кто? Кто там?! - не дождавшись ответа на свой вопрос, добрая женщина решила: «Будь, что будет!» - и отворила дверь.

Словно облитый смолой, весь в засохшей крови, цепляясь за края воронки, уносящей в небытие, Малыш просил помощи и защиты...

Выпил полтора литра воды, и дал себя выкупать, чтобы определить размеры бедствия... Каждый выстрел - до кости. Каждая рана - не наугад. Наверняка. Прицельно.

И вот уже четвёртую неделю мы лечим парня, рождённого собакой. Лечим, кормим, беседуем с ним и о нём. Как только он смог вставать, стал скакать на своих двоих меж нашими домами, выказывая благодарность за поддержку и участие в его судьбе.

Говорят, не стоит рассказывать о своих добрых делах. Неужели афишировать подлости при-

личнее?! Но если мы не станем помнить сладости вкуса совершённого добра, то вряд ли сможем сподвигнуть на решимость сделать что-то подобное. Даже самих себя...

II

Про то, какие мы хорошие, поговорили... Ну, а кукушонок — подкидыш, наделил меня осознанием собственной важности. Так вышло, что пришлось поучаствовать на самом главном уроке птенца.

То ли под кровом приёмных родителей стало ему тесно, то ли переел ребёнок, или повернулся не тем боком, но птенец банальным манером выпал из гнезда, и пешком пришёл к нам во двор. Оглядевшись, решил, что нашёл себе вполне подходящее место для прохождения дальнейшей жизни. У рукотворного пруда масса свежих букашек, стена из винограда удобна для сна, да и сама вода из пруда — неплохой повод побродить неподалёку. Всё вокруг — почти идеально, если бы не противный соседский котёнок. Ему, что не птица, то добыча. И плевать, что в плену острых когтей может оказаться ровесник, и всё равно, что живот от сытости смотрит на сторону...

Находясь по разные стороны забора, мы с котёнком наблюдали за птичкой. Естественно, с разными чувствами. Котёнок предвкушал сладость первой крупной, вдвое крупнее его! — добычи. А о своих, почти материнских чувствах, лучше

умолчу. Расположившись вдалеке от желания утомить или заинтриговать читателя, сообщу, что кукушонок застрял своей любознательной макушкой в ячейках сетки забора. Обгоняя друг друга, котёнок и рассказчик бросились к нему. Адреналин испуга окрылил пернатого младенца, он слился с поздними сумерками летнего дня и больше не возвращался...

Что стало причиной столь скорого взросления кукушонка?

Когда он, распалённый и расслабленный телодвижениями, испугавшимся, но не напуганным, покинул гостеприимный двор, кто может гарантировать, что немногим позже он не станет нашим гостем вновь?

Его мама, надрываясь на ниве сокращения численности насекомых — вредителей, отказалась от положенного ей декретного отпуска раз и навсегда. Скрепив сердце, отреклась от родного дитятка. Топила в работе свою тоску, кляла поутру себя, кукушку. Кричала в никуда, время от времени, позволяя вырваться на простор своему материнскому горю. «Помни! Ты — кукушка!» И кукушонок слышал, что мама жива, но сильно занята. Но не подсчётами и гаданиями... а важным делом. И лес без маминой заботы, стал бы похож на обглоданный веник. И он, кукушонок, должен переносить вынужденное сиротство с достоинством... А та, усталая унылая тётка, что пичкала его жуками и бабоч-

ками... Да кто вспомнит о ней... в густом лесу!
Как точно работают лесные агитки...

Итак, я чувствую себя важным человеком. Виной тому, нелепый в своём очаровании, весьма упитанный кукушонок, который выбрал наш двор для вынужденной посадки, после первого полёта. Аэропорт большого мира ему оказался неинтересен, а добраться до местных авиалиний не хватило сил. Опыт первого перелёта дал понять, что пере-едание придаёт фигуре несомненную плавность, но, чтобы встать на крыло, нужно быть решительным и твёрдым, немного худым, а потому и в некоторой степени ожесточённым... И Кукушонок принялся гранить своё красивое тело способом, известным всем: он стал меньше есть и больше двигаться... выбрав для этого, впрочем, не самый удачный день и странное место.

До обеда кукушонок бегал по глинистой тропинке в тени гаража, сложенного из шпал, когда солнце старается успеть вытопить целительный дурман креозота всего лишь за один световой день. Прямо скажем, — не самое приятное для юного организма занятие. Об этом свидетельствовала череда бело-серых отметок, выглядевших словно обкатанная дорожная разметка.

А после обеда — аэробика, по колено в воде рукотворного пруда... Золотые рыбки сочувственно приникали к сухопарым ногам утомлённого юного спортсмена, который раззявил свой клюв так, что

было почти видно желудок...

Кукушонок жил у дома. С вечера и до заката следующего дня. Целые сутки. Много это или мало? Мы часто задаём себе этот вопрос, сравнивая размеры, суммы, сроки, расстояния и объёмы. Но самая главная мера, — степень доверия к нам, не поддаётся градации. Нам или доверяют, или нет. Разве не так?!

Ласточка громко смеялась над его неуклюжими попытками взлететь. Толстенный, как барчук. Путаясь веточками худых ног в траве, он гулко шлёпался на землю, отчего походил на лягушку. А коты и кошки, алчно выглядывающие потенциальную жертву, приходили в замешательство после каждого шлепка.

— Бум!

— Вкусный птенец или липкая лягушка?

— Блям-с!

— Вероятно, лягушка...

— Хрясть!

— Точно, она...

Кто-то говорил, что он гадок. И что этот «подлец» выталкивает из гнезда других птенцов, чтобы сладко питаться и быть окруженным заботой... Но кто из нас не кукушка? Кому не хочется быть сытым и крепким? Кому не хочется быть значительным? У нашего упитанного гостя, совсем недавно стряхнувшего с головы штукатурку потолка яичной скорлупы, уже так много всего и в про-

шлом, и за спиной: предназначение, сиротство... Но можно дать стопроцентную гарантию того, что малыш оправдает возложенное на него Судьбой. Чего я не могу сказать о многих и многих из нас, — подсиживающих, подсматривающих... Все совершающих исподтишка... О людях...

Поляна после дождя пахнет травяным чаем. Немного терпкой полыни, чуть чабреца, щепотка шалфея, почти видимый порыв холодного, смятого ветром мятного листа... Букет аромата столь многоцветен, что для каждого найдётся свой, знакомый запах. И, в результате, — он может стать родным для всех...

Много лет назад, ещё до той поры, когда Кольцовский сквер в Воронеже был превращён в «Кольцо», все птицы из центра города слетались к скамейке, на которой по утрам любил сидеть Леонид Семаго. Кое-кому его поведение казалось странным, но гораздо больше было тех, кто разделял это чудачество, но не решаясь обнаружить его, искоса наблюдал, как Человек и птица ведут витиеватый диалог о том, что волнует абсолютно всех. О жизни. Которая в каждом из нас проявилась по-своему.

*Мир тебе, птица, не свившая гнезда!
Светлая память тебе, Человек...*

Кошка

Памяти Василия Михайловича Пескова.

Написано в день его кончины.

*Место действия -
Воронежский государственный
биосферный заповедник, ныне носящий его имя.*

За стеной было слышно, как поздней электричкой вернулся домой сосед. Он громко падал, после чего бездарно матерился, обвиняя во всех своих несчастьях беременную кошку, доставшуюся от супруги, которая бросила на произвол судьбы их обоих. В пустом доме из серого кирпича, рассыпающегося от негрубого прикосновения, на краю маленькой, никому не нужной станции, по дороге из пункта А в пункт Б, которые, впрочем, тоже мало кому интересны.

- ...ать, тудыть-растудыть. Растудыть-тудыть
...ать.

Несмотря на нетрезвую ярость, ритм бранного монолога был соблюдает в безукоризненном порядке. — ..ать!...ать!...ать! — иступлённо выкрикивал незаконно отставленный законный супруг давно невиданной хозяйки. А кошке слышалось не много, ни мало:» Ждать...ждать...ждать...»

Двадцать пятая, по счёту, беременность, не

прибавила ей мудрости, но наделила бесконечным количеством терпения.

«Ждать...ждать...ждать...» Еды, ласки, возможности юркнуть в щель приоткрывшейся двери, рождения котят, которых топили или зарывали живыми в землю двуногие, считающиеся в придуманной ими классификации существ, населяющих Землю, разумными... Кошке так хотелось угодить тем, кого она так искренне любила... За пролитую на пол каплю молока, она благодарила способом, понятным ей. После целого дня понуканий, упрёков и пинков, редкого приглашения к миске на полу у печки, она уходила на ночное дежурство. И не бывало так, чтобы кроваво-красный рассвет не унавал своих, сокрытых облаками, намерений, воплощенных этой сильной кошкой, воображающей себя домашней. Роль невинной жертвы играли мышки, птички, а иногда и звери покрупнее её самой. Одобрение её благодарности, — вот чего желала она, а получала привычное: "Тудыть..." и пинок под пушистый хвост...

Точно так же, как на порог дома, казавшегося ей родным, она приносила добычу, Кошка приносила новорождённых малышей в дом. Аккуратно укладывала в ряд у ног хозяйки и садилась подле, предлагая ей оценить качество очередного потомства. Женщина каждый раз возмущалась, закрывала плодовитую мамашу в сарае, а котят лишала возможности накачивать барабаны игрушеч-

ных животиков молоком, засыпать в маминых объятиях, с молочной пеной на незрячих довольных мордашках, прятаться от пауков под листом клубники, чихать от аромата чистотела, и играть с лягушками.

Пару лет назад, дивясь чуть ли не подиумной стати кошки, её украли, и завезли, как водится, — в Тридевятое Царство. Презрев надуманные прелести чужбины, чуть больше года кошка шла домой. И пришла, на свою голову. Если скажешь, что ей были не рады, то соврёшь! Кошку схватили, прижали к сердцу, поносили на руках минуты две, неумело потискали секунд десять, и... сбросили на землю, меж срамным ведром и плевками, оборвавшими свой полёт ранее намеченной цели.

Радость за других в расфасовке обыденности, туго обвязанная лентой неумения и нежелания впустить её в свою жизнь, превращается в смолоподобную субстанцию, которая, прилипая к человеческому существу, превращает его в жлоба.

«Лишь бы мне было хорошо!» — думает он.

«Мне! Мне! Мне... любимому.»

С исчезновением из дома хозяйки, жизнь Кошки стала менее осмысленной. Охота из хобби превратилась в суровую необходимость. Поздняя беременность была совершенно некстати, от того, что добывать пищу стало сложнее. Сильно увеличившийся живот мешал прятать свои намерения, и добычей становились невзрачные птицы с

красивыми голосами. Есть их было стыдно, и от того - невкусно.

И вот однажды, повинувшись скорее инстинкту, чем желанию убить, Кошка пробралась к гнезду соловья, укрытого в гуще винограда. Тот выпал из осенённого Дионисом убежища на каменную дорожку и разбил себе голову. Кошка ожидала чего угодно: крика, испуга, внезапного взлёта... Но чтобы так... Так просто... Так скоро...

Мимо пробежал почти весёлый сосед... Ещё вчера он твердил о снедавшей его тоске и одиночестве, а тут...отец умер...и есть чем себя занять...

Кошка перевалила свой беременный живот на другую сторону порога, и крепко закрыла глаза. Скоро ей предстояло явить миру очередную порцию котят. И никому неизвестно, успеет ли она накормить их до икоты, хотя бы раз....

Картофелина...

Вода из аквариума - уха для вегана.

Когда мы садимся за стол, уставленный посудой, то задолго до того момента, как на колени опустится умиротворяющее крыло скатерти, нам стоит задуматься об уникальности каждой трапезы. Чем бы не была наполнена посуда, стоящая перед вами, любую еду можно превратить в яство, или его противоположность. И это зависит не только от умений хозяйки, но и от ее настроения, ду-

шевности и отношения к самой себе.

Банальный трепет о неповторимости каждого дня, не сопоставим с поглощением пищи, скажете Вы, и будете немного... совсем слегка неправы!

Представим себя на месте картофелины. Вырванная из своего родного угла, из места, откуда она впервые потянула к солнцу свои крепкие руки, где ветер стряхивал с её узорных листьев неприятных жуков в пижамах, её выкопали совершенно насильно, скребнув по сочному боку краем грубой лопаты, и кинули в пыльную темноту мешка. Хорошо ещё, если это был холщовый мешок. Через отверстия которого проходит и свет, и воздух. А если использовали современный синтетический? В нем сыро и холодно, и бока соседей недолго сохраняют первозданную упругость...

Можете себе представить, как будет счастлива картошка, если вы не кинете её грубо на дно раковины, а подержите в руке, вымоете аккуратно... ведь мы не задумываемся о том, что если мы - это то, "что мы едим", то наша пища заслуживает бережного и почтительного, во всех смыслах, обращения.

Неважно чем вы удалите кожицу с картошки: овощечисткой, керамическим или стальным ножом. Важно, - о чем станете думать при этом! Не упрекая себя в излишней сентиментальности, скажу, что лишней жалости не бывает. Её всегда мало.

Оттого-то нам так часто приходится жалеть себя самих...

Уля, June 8

Из окна вагона поезда дальнего следования выпорхнул небольшой пакет. Белой птицей покружил он над выбритой щекой насыпи. Подхваченный волной движения состава, взмыл ввысь, и, отвергнутый ею же, упал в пятнадцати метрах от железной ветки дороги.

Уля родилась слабенькой. Казалось, с нею справится даже не крупный комар. Впрочем, жаркое весеннее солнце испепелило эскадрильи едва вставших на крыло насекомых, что дало ей время прийти в себя и набраться сил. Оно же взлелеяло опару земли, из которой одна за другой появились сочные травы и нежные ростки кустов. Мама срывала яркие бархатные листочки, что сделало её молоко особенно вкусным и целебным.

Едва осталась позади младенческая дрожь в ногах, Уля перестала прятаться под боком мамы, а чаще смотрела на цветы и букашек, которые норовили перебраться с лепестков прямо на нос, стоило подольше постоять на одном месте. Кастаньеты дятла, полуденное завывание кукушки и полуночная переключка сов, - все звуки вокруг казались родными и придавали уют просторной квартире косуль под плотным навесом ветвей. Капли дождя, если он и случался порой, не досаждали ма-

ленькому семейству. К тому же, после можно было попить воды из выщербленной временем короны пня, остерегаясь втянуть ненароком упавший в воду лист или беспомощного муравья. Листок Уля отгоняла шумным вздохом, а муравью подставляла нос, по которому тот проворно взбирался, как по бархатному мосту.

Время от времени мама водила Улю на берег реки. Воды в ней, несомненно, больше, но и претендентов на то, чтобы сдуть пену облака с поверхности, было тоже намного больше! И если звери покрупнее были вежливы, то слепни и шершни пользовались бражниками в своих корыстных целях. Так что, если быть честной, Уля не очень любила ходить к речке. Одним из привычных с детства звуков, был весёлый свист электрички, баритон поезда и тяжёлая поступь товарных вагонов, - сродни прогулки лося подле спящего мышонка. Почва вблизи железнодорожного полотна начинала раскачиваться задолго до его появления, и не переставала некоторое время после. Улю тянуло к не пересыхающим блестящим ручьям рельс, которые звенели, стучали, гудели... Речитатив их натёртых движением связок был пленителен, как рассвет, пропитавший губку тумана.

В одну из прогулок к железной дороге, меж сжатым в гузку сухариком мака и ирокезом чертополоха, Уля увидела странный, диковинный для лесного жителя предмет. Если бы лес, в котором родилась

Уля, располагался на берегу моря, она могла бы сравнить новинку со слегка потрёпанной медузой. Но такого опыта у Ули быть не могло, увы. Как не было у неё никакого опыта вовсе. Стояла бы рядом мама, она бы растолковала, что к чему, но та старалась опередить подруг, старательно обкусывая не подсохшую ещё листву. И Уля осталась один на один с пакетом, который выпорхнул из окна купе чудесного весёлого вагона, где, мечтая о том, что скоро увидит море, ехала девочка Юля и грызла конфеты, которыми на прощание угостила её бабушка. Конфеты закончились, Юля хотела спросить маму, куда положить липкий от сладостей кулёк, но мамы рядом не оказалось, она вышла в тамбур покурить с дядей из соседнего вагона, и Юля просто выкинула пакет за окошко и тут же забыла о нём. Молоденькая лесная козочка, как и все девочки её возраста, была большой сладёной. Втянув носом пьянящий аромат патоки и сахарной пудры, улины губы сами собой нетерпеливо задвигались. Она наклонила свою милую головку, подхватила неведомый, но такой обольстительный предмет, и проглотила его...

Несколько дней Уля не могла ничего есть. Мама пыталась растормошить её, развлечь, подталкивала в сторону некогда вожделенной тропы паровозов и электропоездов. Но Уля никуда не могла идти, она лежала в тени сосны с обрубленной людьми макушкой и тихо тьякала. Животик

Ули стал круглым и твёрдым, как спелый гриб-дождевик, а глазки - маленькими, как ягоды боярышника, пережившие зиму. Уля безразлично смотрела в одну точку, и думала лишь о том, чтобы прекратилась страшная боль, наполнившая её внутренности. И понимала, что это произойдёт, надо только ещё немного по-тер-петь...

...Муравей, пытавшийся в десятый раз пройти мимо носа Ули, первым понял, что беспорядочное волнение, исходившее от неё, прекратилось. Может, пробежать по носу этой смешливой козочки и она опять чихнёт, как это бывало не раз, когда Уля пила дождевую воду... Муравей вытер лапки уголком травинки, перебрался Уле на нос. Пробежал в одну сторону, в другую... Что-то пошло не так. Козочка не мотала головой, не чихала до слёз...

Торопясь и толкаясь, минуты следовали одна за другой. Муравей неистово суетился, пытаясь растормошить свою подружку. Тут подошла её мама, наклонилась, понюхала пушистый лобик дочери, подобрала упавший на него листочек, вздохнула и ушла.

Задёрнув небо шторами туч, ушло и солнышко. На бесцеремонный стук грома оно выплеснуло ведро воды через своё оконце... и каждый, кто хотел посочувствовать, теперь мог не стесняться своих слёз. А на горбинке носа Ули сидел и горько плакал муравей. Он не ждал начала грозы, чтобы

обнажить свою скорбь. Тот, кто любит, плачет не столько глазами, сколько сердцем. А кто сказал, что муравьи не плачут?

Белой птицей из окна вагона дальнего следования выпорхнул небольшой пакет. Пристроившись подле состава, он парил, как коршун, выискивая очередную жертву.

Sarah Dixie Sorbonne

- Гражданин!

Уберите свою морду от лица моей собаки!

Её немощь давно приняла вид хранической старости. И ничего уж нельзя было поделать с этим. Регулярность прогулок и относительная сытость не будоражили кровь, как бывало. Мало заботили посторонние. Да нет. Чего греха таить. До их вторжения, пристутствия, передвижения и приближения не было дела вовсе. Вот даже ни на самый малый и незаметный взмах хвоста. Ни на половину настороженно вздрогнувшей ворсинки меж лопаток. За годы нелёгкой собачьей судьбы изменились походка и тело. Но главным в жизни, по-прежнему была хозяйка. Ради редкой улыбки которой, собака, собственно и оставалась “по эту сторону клумбы”.

Честно говоря, псина жалела и любила хозяйку больше, чем это было позволено существу,

наделённому душой. Намного больше, чем саму себя. Впрочем, душа собаки ни на что иное и не рассчитывала. Но , всё же, ей было любопытно, куда может завести подобное самоотречение. Оценят ли подвиги собаки те, в угоду которым они совершались...

- Что ты её не усыпишь? Она еле ходит. На неё смотреть неприятно. Хребет выпирает, как у динозавра. Вонь от неё... От неё пахнет старостью!!! Понимаешь ты?! Это противно.- возмущались знакомые.

-Да-да,- охотно соглашалась хозяйка, но тут же, довольно непоследовательно отвечала,- вот когда ты станешь старой и от тебя будет плохо пахнуть, давай-ка мы тебя усыпим, а? Ты мне только напомни.

Окружающие хозяйку люди иногда интересовались, почему та не едет отдыхать.

- Ты ж любишь море, почему дома сидишь всё лето?

- Хочется.

- Да, ладно. Глупости! Денег нет?

- Ну, мне на море много не надо. Я ж на пляже вверх пузом не валяюсь. Прихожу и плаваю-ныряю, пока не замёрзну. Переодеваюсь, сижу немного на берегу и ухожу.

- А теперь не едешь.

- Не еду...- задумчиво кивает хозяйка.

- Так отчего же, скажи на милость?!

- На кого я собаку оставляю? С собой нельзя.
- В гостиницу её. Сейчас так делают.
- Нет. Не могу. Она решит, что я её бросила.
- Тьфу ты! Ну и сколько ты будешь сидеть подле этой животины?
- Сколько нужно.
- Дура ты.
- Не спорю.

Собака делала вид, что спит, а сама прислушивалась к разговору. Конечно, она могла умереть, чтобы отпустить хозяйку на море. Она вообще, была готова сделать это в любой момент, стоило ей только понять, что это нужно! Но, вряд ли это доставит хозяйке радость. Это она знала совершенно точно. Несколько лет назад хозяйку пригласили работать в контору, которая находилось очень далеко от дома. И не в другом городе даже, а в чужой далекой стране. Обещали очень неплохой заработок. Хозяйка смеялась и говорила собаке:

- Ну, вот, с первой зарплаты накоплю тебе мяса!..
- Однако работодатель быстро охладил её пыл:
- Но никаких животных!- чётко и ясно сообщил он, перечеркнув все сальные плюсы закордонного житья.

Хозяйка шмыгала носом, пересчитывая мелочь в кошельке, шевелила губами, что-то высчитывая и искоса поглядывала на собаку. Потом вздохнула и позвала её:

- Пошли, гулять пора.

Собака послушно поднялась. Ей было неприятно ощущать себя помехой и она сразу же приняла единственно верное решение. Необходимо было освободить от хлопот о себе. И как можно скорее. У выхода она лихо поддела носом намордник, подставила шею, ожидая щелчка карабина. Его опять заело...

- Надо бы купить новый...- прошептала хозяйка.

- Не надо!- махнула хвостом собака и побрела рядом, нарочито задевая хозяйку правым плечом

Толкаясь, собака не была бесцеремонной или непочтительной, она так подбадривала себя, направляла к краю, за которым, как говорят люди, разноцветный прозрачный мост и возможность наблюдать за любимыми. Без помех.

Отыскав место, где “уже можно”, собака присела на корточки, взглянула на хозяйку кротко и...

- Что это?! Зачем?! Нет!!!- вместо упругого журчания янтарного ручья, в траву посыпались хлопья кровавых сгустков. Один за другим. Алые, рубиновые, гранатовые...

Хозяйка еле довела истекающую кровью собаку до дома. Яркие краски радости, жизни, счастья,- всё это исчезало на глазах. Их смывало потоками внезапного кровотечения ... Хозяйка опустилась на колени рядом и рыдала в голос, не заботясь о том, что подумают соседи. Собаке не было

страшно уходить, ей было страшно оставлять хозяйку без своей защиты, грустно не иметь возможности лизнуть её исподтишка, и нахмуриться злобно и предостерегающе, навстречу очередному потенциальному врагу. Кстати, смешно сказать, но хозяйка опасалась собак. Во время прогулок приходилось учитывать и это обстоятельство.

“Вот они... перила моста. Надо же, они и вправду разноцветные. Икры балясин округло блестят, так и манят: “укуси меня!” Гладкие, как леденцы, которыми хозяйка угощала меня в детстве.” - думала собака и уже подняла было лапу, чтобы вступить на мост, как вдруг вздрогнула от вопля :

- Стоять!!!

Команды собака выполняла, не раздумывая. Если они исходили из уст хозяйки, конечно.

- Сидеть! Не в мою смену!!!- не к месту выкрикнула хозяйка, убежала прочь, в кухню, откуда довольно быстро примчалась, с чашкой вонючего отвара в руках: - Пей! Пей, собака!

Та повела глазами, в смущении, но рта не открыла.

- Не станешь пить? Волью,- пригрозила хозяйка и выбежала из комнаты вновь. Вернулась со шприцем, набрала из чашки впрыснула собаке прямо в горло, сдвинув на сторону уже расслабленный, а потому чересчур длинный язык.

- Раз... два... три...- собака шумно сглотнула про-

тивную жидкость и покосилась туда, вниз, кивнув на истекающую кровью часть тела.

- Прекрати это. Я без тебя никуда не поеду.

Собака перевела взгляд на свою миску в углу комнаты и хозяйка усмехнулась:

- Дурища, ну что мы с тобой, лукового супу не едали? Фигня это всё. Вспомни, кастрюлька резанного лука, подсолнечное масло, тарелка мне, остальное тебе. Соседи думали, что я тебя мясом кормлю! Какие бока были! Ты ж у меня... Не уходи, прошу тебя!

Собака потянулась к чашке и стала аккуратно и медленно пить лекарство.

- Нет, ну, надо же! Когда здорова - свинья свиньёй. Вся морда в каше, на полу лужа, на стене брызги. А теперь что?! Может тебе ещё салфетку на шею повязать?

Собака была так слаба, что не поняла шутки, а услышав в голосе хозяйки упрёк, перестала лаять.

- Да пей сейчас же! Шучу я.- испугалась хозяйка.

Ужас событий того дня не прошёл бесследно. Собака долго болела. Часто не могла вытерпеть до следующей прогулки и ходила под себя. От подобной специфической сырости, пол в комнате сильно покоробился. Ветеринары предлагали “прекратить страдания” одним уколом. Те, что помилошнее, советовали давать собаке как можно боль-

ше воды. Но ни первый вариант, ни второй им не подходил. Почки справлялись лишь с очень небольшим количеством воды, поэтому собаку мучила жажда, а хозяйку - совесть за невозможность поспособствовать её утолению:

- Нельзя тебе пока, ну, понимаешь? Не смотри на меня так. Постепенно, понемножку.

Эта “постепенность” затянулось на три года. Но, несмотря на то, что ветврачи давали один прогноз хуже другого, собаку приводили на очередную прививку “через год”.

- Вам не надоело вытирать лужи? - нарочито вздымал брови очередной Айболит.

- Нет. Пол будет чище! - отвечала хозяйка невозмутимо.

- Ну-ну...

Вопреки прогнозам доброжелателей, работа почек понемногу восстановилась. Нос перестал царапать ногу хозяйки во время прогулок. Да и пол мыли реже. Только вот, иногда собака стала забываться. Иногда, прямо посреди ночи ей казалось, что она на лужайке в парке, начинала привычно кружиться на месте, как полагается, присаживалась и... понимала, что стоит посреди кухни.

Хозяйка никогда не ругалась после таких ночных сюрпризов. Вдевала руки в оранжевые хозяйственные перчатки и, жалостливо поглядывая на любимицу, избавлялась от последствий пригре-

жившейся прогулки. А реальные становились всё короче и короче. Собаке теперь нельзя было промочить лапы или стоять на холодном, особенно на камнях, а некогда любимые нырки в сугробы, теперь были под категорическим и абсолютным запретом. Навсегда.

- Ну и ничего, правда ведь? Снег холодный. Не грусти. Летом погуляешь подольше.

Но летом собаке было жарко. Сердце не справлялось с нагрузкой и даже километровая прогулка теперь была почти что подвигом. После пятисот метров слегка подкашивались ноги, начинала кружиться голова и, если бы не увещевания хозяйки, то можно было бы пересест в лифт до радужного моста прямо там, на седой обочине лубой из летних дорог.

По вечерам, когда оставались позади подвохи, соответствующие текущему сезону, можно было подремать, глядя как хозяйка занимается домашними делами. Собака даже во сне вела себя степенно, никуда не спешила, перебирала ногами медленно. И, если иногда и позволяла себе пробежаться, то вовремя останавливалась передохнуть.

Бывало, ей снилось, что она ещё щенок. Хозяйка держит её на руках, а мама лижет их на прощание. Хозяйке шепчет что-то на ухо, вворачивая язык так глубоко, как это возможно, а ей мочит нос. Люди, у которых живёт мама, отчего-то плачут, говорят: "Ну, наконец-то! Дождалась!" А хо-

зьяйка прижимает её к груди так крепко, что, кажется, отними она руки, ничего не изменится, и останутся они вместе, сросшимися, как сиамские близнецы.

Несколько человек, что приходили в дом до хозяйки, хотели забрать собаку себе, но она каждый раз пряталась в самый дальний угол под диван, и её было невозможно достать оттуда. Одну даму, что попыталась выудить щенка, ухватив за ногу, даже пришлось укусить легонько. За палец! Чтобы поняла, - с нею она никуда не пойдёт! - Вы знаете, - было такое ощущение, что она кого-то ждёт. - Когда покупатели уходили, она выбиралась из-под дивана, забиралась на табурет у окна и часами глядела в окно. Такое поведение несвойственно для щенка. Мы даже думали, что она заболела.

Собака хорошо помнила, что в тот день, когда хозяйка пришла за ней, хотелось нахулиганить напоследок. Забравшись под покрывало на широкой постели, упиваясь грядущей безнаказанностью, она сделала весёлую щенячью лужу. Едва отомстив за то, что ей не позволяли спокойно ожидать прихода того человека, ради которого пришла в этот мир, она ощутила его запах.

- !!!- втянула воздух поглубже и села.

На корточках у двери сидела хозяйка. Ждала, раскрыв руки для объятий:

- Ну, что же ты? Я пришла!

Собака захлебнулась вдохом от восторга и побежала навстречу. Не доходя полуметра, остановилась, убедиться, что не ошиблась. Глянула в глаза, а после - кинулась на руки, уткнулась в шею и... блаженно заснула.

По дороге домой, в автобусе, десятки рук тянулись “погладить щеночка”. Но собака пресекла все попытки одним махом. Оглядела публику презрительно, демонстративно отвернулась, лизнула хозяйку в губы и опять спрятала нос в ямочку на шее.

Так и жила: спиной ко всем, лицом к хозяйке. Любила всех, кого любила она. Ненавидела тех, чей камень за пазухой в адрес хозяйки, был замечен ею. От собаки такое не спрячешь даже под перинами лицемерия и лжи.

Хозяйке хотелось увидеть, как появляются на свет маленькие собаки. И она видела это.

После первых родов, едва вылупился последний из её щенков, она уже была готова сопровождать хозяйку.

- Я с тобой!
- Куда ты? Тебе нельзя. Смотри за малышами.
- Ничего с ними не сделается, подождут.
- Они только что родились! Ты нужна им! Смотри, какие маленькие, красивые, одинаковые. На баклажаны похожи. Синенькие!
- Я нужна тебе. На улице собаки, а ты их боишься.
- На улице люди. Их я боюсь тоже. Не волнуйся.

- Нет! Возьми меня! Да и к тому же... мне надо...
- Не выдумывай. Если тебе очень надо, ты можешь сходить в ванную, я вымою.
- Нет, я пойду с тобой!

Находить вменяемых людей, способных позаботиться о детях собаки было непросто. Выкинут или нет, обидят или нет?! Хозяйка решила, что играть в подобную рулетку подло и собаке сделали операцию. Она не жалела об этом. Щенки, её малыши, были несомненно милы, но ... Они мешали любить хозяйку. Отнимали время и силы.

Перед операцией собаке сделали укол. Чтобы расслабилась. А после - ввели в вену наркоз. Шли минуты, но, как оказалось, наркотик бессилен перед силой воли собаки. Дело было в другом городе, в клинике, где знакомый врач гарантировал, что собака не погибнет во время операции. И этот врач в недоумении разводил руками, не понимая, что происходит:

- Она уже должна спать...
- Но она не спит!!
- Я сделал всё правильно. Рассчитал дозу, время... Еще минут десять и операцию делать будет нельзя. Не успеем.
- И как же? Как быть?!
- Я не знаю,- махнул рукой врач и собака, у которой слегка разъезжались ноги на кафельном полу, подпрыгнула, чтобы защитить хозяйку от этого

взмаха.

- Я знаю. Пока она не будет уверена в моей безопасности, наркоз не подействует.

Хозяйка позвонила друзьям, которых знала, в которых была уверена её собака. Те моментально отозвались и приехали. Собака стояла, оперевшись на хозяйку, настороженно оглядываясь вокруг:

- Пока я одна, я тебя не брошу.

- Вот, всё, они приехали!- хозяйка радостно бросилась навстречу друзьям.

Собака узнала людей, которым доверяла, обнюхала их, затем обернулась, и, не обнаружив в любимых глазах растерянности или страха, стала заваливаться набок.

- Срочно! В операционную!

- Милая моя... соба-а-ка...

- Она будет спать несколько часов.

- Ага, как же! А чей это хвост вон там мотается метрономом? Мой?!

Собака лежала на железном столе кверху пузом. Кожа, стянутая длинным кровоточающим швом, выглядела ужасно. Лапы, привязанные бинтом. Язык, расположившийся рядом с собачьей мордой, почти что независимо от неё, казался отдельным, посторонним организмом. Но хвост, ещё мгновение назад канатом свисавший со стола, живо отреагировал на появление хозяйки.

- Сволочь твоя собака!

- Почему?!

- Впервые такое в моей практике.

На обратном пути собаку тошнило. Дома её положили на диван. Она металась в полудрёме. Судороги отходящего наркоза сменялись периодами забытья.

Хозяйка всё время сидела рядом, тихонько пела и гладила собаку по голове. Казалось, та спала. Но стоило мелодии споткнуться, хозяйка время от времени засыпала, как собака открывала глаза.
- Спи-спи... Прости.

Туман, сплошная пелена.
Мой день опять вблизи окна.
Окна автобуса, работы,
Безделья или же заботы...

Окна из тьмы на светлый двор.
Где нет беды, смешон - забор,
деревья, птицы и кусты...
Прозрачные ручьи чисты.

Пленительно-спокоен плес,
И добрый, лопоухий пес
Моргает влажно у порога,
И отгоняет прочь тревогу.

Меняет жизнь на ломтик неба.
Благодарит за крошку хлеба.
Он, как и я, погибнуть рад

За твой, но только верный взгляд.

Мой мир так просто обмануть,
как псу тому - хвостом вильнуть.
Опустошителен предлог:
"Я полюбил бы, если б смог..."

Какая мелочь - расстояние
Впитала противостоянье
Чужому искреннему злу
Судеб гордиеву узлу

Я ж полюбила в одночасье.
Такое вот со мной несчастье.
И не могу остановиться.
Душа моя к тебе стремится.

И чье-то частое вниманье,
И редкое непониманье...
Я все отдам за твой "порок":
"Я позабыл бы, если б смог..."

Когда утром хозяйка открыла глаза, то первым делом обнаружила, что собаки на диване нет. На полу лужица крови и дорожка капель, в сторону выхода.
- Ты куда?!

Собака стояла на дрожащих ногах у двери и недвусмысленно давала понять, что ей надо вы-

йти.

- Не ходи никуда, давай тут!

- Нет. Пойдём, выйдем.

- Тут давай, не дури.

- Открой дверь же!- собака стукнулась лбом о дверь.

Делать нечего. Пришлось открывать. И идти, попеременно переставляя одну ногу за другой. Так медленно, чтобы собаке не приходилось догонять. Хозяйке было больно смотреть на это безрассудное перемещение в пространстве. Но, едва оно благополучно подошло к своему логическому завершению, как одному нетрезвому типу вздумалось показать свою несусветную дурость. Ни с того не с сего, размахивая кулаками, влекомый алкогольными парами, он пошёл на хозяйку. То ли не увидел собаку, то ли не посчитал её, бредущую в окровавленных бинтах, серьёзной помехой.

Собака упредила нападение, даже не воспользовавшись зубами. Подпрыгнула и ударила хулигана в нос. Тот взвыл, отпрянул, даже протрезвел слегка и с криками “Помогите, убивают!” побежал прочь.

Вечером, принявшись за перевязку своей защитницы, хозяйка не ожидала увидеть ничего хорошего. И оказалась права. Швы на животе разошлись. Все до единого. С ужасом взирая на то, что должно было быть сокрыто под кожными покровами, хозяйка не знала, как ей быть. А собака? Она

спокойно лежала на спине и наслаждалась безраздельным вниманием со стороны любимого человека.

Что ещё надо?! Её жалеют, ею дорожат, о ней заботятся. А пузо... Да, фиг с ним. Ерунда. Зарастёт. Как на собаке.

В этой собаке было много не совсем обычных качеств. К примеру, она никогда не унижала себя лаем. Любила дворняг. Не подпускала их к себе, держала на расстоянии, но с удовольствием наблюдала, когда хозяйка кормила этих бедолаг, приговаривая:

- Понимаешь, у них ни мамы, не папы. Кто угостит их вкусным? Кто проведёт рукой ласково от носа к ушам? В лучшем случае не пнут...

Собака была согласна с хозяйкой и спокойно наблюдала, как та беседует с соплеменниками. Она не ревновала её и к тем, кто время от времени жил с ними вместе дома: к крысам, рыбкам, котам. Принимая их присутствие в доме, распространяла своё покровительство и на них. Расстраивалась, когда кто-то исчезал. Чувствовала свою вину в этом, хотя её не было. Да и быть не могло.

Неумолимое время умилялось такому положению вещей и старалось обходить стороной дом, в котором жила эта необыкновенная собака. Но не посещать его вовсе, оно права не имело. И собака стала стареть. Серебряная щетина не портила её

образ. Но крупное статное некогда тело стояло довольно скоро. Как новогодняя фигурная свеча, в одну ночь. Или в один год.

Собака перестала отзываться на имя. Перестала слышать его. Забывала о том, что её кормили и просила ещё. Иногда во время прогулки растерянно и суетливо обнюхивала руку хозяйки, чтобы убедиться в том, что рядом именно она. Но в то же самое время собака старалась доказать окружающим, что хозяйка находится под её надёжной защитой. И ей это удавалось. Быть рядом. Жить, совершенно не заботясь о себе самой. От касания к касанию, от взгляда к взгляду, от мысли к мысли... После того, как собака почти полностью утратила слух, зрение и обоняние, прикосновения и интуиция стали единственной связью меж нею и хозяйкой.

- Как собака?- писала хозяйке подруга.

- Не очень,- отвечала та.

Собака поднимала голову и переспрашивала молча:

- Так-таки и “не очень”?

- Так-таки,- так же безмолвно отвечала хозяйка, и продолжала,- а помнишь?..

- ...помню,- соглашалась собака.

Честно признаться, они не очень сытно жили. И как-то раз соседка, что работала в детском саду, предложила брать для собаки остатки с дет-

ского стола. Хозяйка поначалу засомневалась, потом согласилась, но затея окончилась ничем. Собака оказалась брезгливой. Она могла есть что угодно, но только после хозяйки. Макароны, хлеб, пупочки помидоров и варёную свёклу. Всё то, чего не станет есть никакая, уважающая себя собака. Да кто разбирается в обстоятельствах этого уважения? Кто способен верно оценить его?

Кстати говоря, меж собакой и хозяйкой случился-таки однажды момент недопонимания, чуть не закончившийся трагически.

У собаки был очень жёсткий хвост. И, встряхиваясь так, как это делают обыкновенно все собачьи, хлыстом своего хвоста задела хозяйку, сильно ударив по ноге.

- Уйди отсюда!- воскликнула хозяйка, растирая ушибленное место.

Собака ушла к себе и легла, шея не могла справиться с весом вмиг потяжелевшей головы и стала мелко дрожать, глаза потеряли какое-либо выражение...

Хозяйка моментально оценила обстановку и встряхнула собаку:

- Эй! Ты чего?! Я тебе сказала отойти. Всего лишь! Ну, нельзя быть до такой степени послушной! Не маленькая уже. Соображать надо. Ты давным-давно не щенок...

Приятно любить вкусно пахнущего молоком

щеночка. Дуть в его толстое пузо. Покупать резиновые мячики и пересчитывать молочные зубки, застрявшие в них. Делиться полезными конфетами и вредными сосисками. Но... это не любовь. Это милота, что ли? То, что нравится всем без исключения.

Эпилог

- Тебе не стыдно идти рядом с нею?
- Мне стыдно, что я иду рядом с тобой!

Собака! Ты давно потеряла слух, но я знаю, ты меня слышишь, твоя душа никогда не была глуха. Я люблю тебя, собака!

Спасибо, что дала время полюбить тебя. Старую, больную. Худую. Мою собаку. Собаку, появившуюся на свет, чтобы быть рядом.

Холодно и страшно там, в том мире, где нет любви. Если её нет по-отношению к собаке, то откуда взять в себе силы, чтобы полюбить человека. Со всеми его “не”.

Гадёныш

Было ярко, красиво, светло. Небо, эмалью, выпукло сияло в оправе старого золота листвы. Солнце старалось подогреть интерес к себе, а холодный ветер одёргивал его шерстяное платье, отрывал грузную полу от земли время от времени и становилось зябко, грустно, тревожно, неудобно.

На тропинке прямо передо мной лежал ребёнок ужа. Ему уже не было холодно. Замер красивой волной.

- Ха!- сосед попытался поддеть малыша ногой и зацепил-таки, потревожил, я не успела остановить его.

- Не трогай!

- Да это ж просто червяк!

- Это ужик, это мой друг!

- Червяк не может быть другом!

- Это точно,- согласилась я, многозначительно взглянув на соседа.

История нашего знакомства с ужом не примечательна ничем. Я толкала перед собой груженую глиной тачку. По привычке разглядывая дорожку, опасаясь погубить кого-либо ненароком, заметила чёрное стройное детское змеиное тело.

“Гадёныш”- подумала я, но не испугалась. Тот замер, прикрыв голову жёсткой чешуйкой кленового листа. Замер старательно, как научила мама:”...чтобы казалось, будто бы ты умер.” Ему было просто притворяться несуществующим. Солнце едва грело и не успевало разогнать даже столь малую порцию молодой крови.

Не пытаясь разочаровывать малыша в том, что его притворство разоблачено, я ушла в дом, чтобы отыскать сосуд, в который поместился бы этот змеиный ребялёнок. Хотелось перенести его в

безопасное место. Кем бы он не родился, он имел право на жизнь.

Подставляя горлышко сосуда к тому месту, куда прятал голову змеёныш, несколько раз безуспешно пытаясь переместить его вовнутрь, мне стало понятно, что без помощи опытного змеелова не обойтись. И я призвала его на подмогу. Тот вышел, прихватив кочергу. На мой предостерегающий вопль коротко отозвался: “Не бойсь!” И решительными шагами направился к замершему от ужаса малышу.

Аккуратно откинув с его головы забрало листа, воскликнул:

- Какой же это гадёныш?! Это уж!- взял его в руку и отнёс подальше от дороги, на кусок разомлевшего от солнца железа. - Вот! Пусть греется. Давай, работать.

Казалось, что беспокоится больше не о чем и всё, что должно было произойти, случилось, но... В следующий заход с тачкой, я чуть было не переехала ужику хвост.

- Ой! Да что ж ты тут опять?! Неосторожно как. Я чуть было не раздавила тебя!

Маленький упругий, как веточка уж, озадаченно погримасничал своими румяными щёчками и остановился, пытаясь разобраться, чего я от него хочу.

- Смотри, тут тропинка, я по ней вожу тяжёлый груз. Если ...- говорила я на ходу, поэтому прокати-

ла тележку до нужного места, выгрузила глину и прогромыхала в обратном направлении. Уж всё ещё медленно продвигался к тому месту, где я уви-дела его впервые.

- Ну ты гляди, ты идёшь опять туда, где опасно! Уж притормозил.

- Иди в лес! Там нет машин с огромными колёсами. Забирайся в норку и ложись спать до весны. А тогда уж и приходи, Уж! Я дам тебе кусочек рыбы и налью молока.

Ужик приподнял голову над землёй и внимательно посмотрел на меня.

- Ты погоди, я сейчас, тележку нагружу и вернусь!

Не особо рассчитывая увидеть малыша вновь, я осторожно продвигала хрустящую суставами тележку. На всякий случай! И конечно же обнаружила ужа на прежнем месте. Тот, как настоящая змея, приподнял голову довольно высоко над тропинкой и раскачивал ею из стороны в сторону. Заметив моё приближение, ужик чуть развернул голову набок и, пытаясь ощутить мои намерения, слегка распустил венчик своего языка.

- Да я это, я, не бойся! Так и не ушёл? Слушай, я -то тебе рада, но мало ли кто ещё заметит. Обидят, поймают. И кот, и ворон, и сова. Давай договоримся, когда я рядом, выходи. А когда меня нет, прячься, ладно?

Ужик качнул головкой и, чтобы показать, что

понял, медленно двинулся в сторону леса.

С тех пор, стоило мне оказать вне дома, уж выбирался из кустов и полз рядом. Чуть впереди, справа. Потому, что слева обычно шла собака. Ужик сопровождал нас охотно. Как бы показывал дорогу. Он был, скорее всего, левша. Мне так казалось, ибо голова его обычно была наклонена чуть влево.

Чаще всего мы гуляли молча. Нам было о чём поговорить, но лес не любит болтунов и мы знали о том.

Прошла неделя, другая. Осень набиралась сил. Тучи ходили туда-сюда по небу. Как жалюзи. Делалось то светло и празднично, то серо и грустно. Мы понимали, что совсем скоро придёт пора расставаться.

- Ты не грусти, уж. Представь, что едешь в путешествие. На другую планету. Тебе приснится расчерченное горными вершинами небо, солёная пенка на губах моря, напряжённые ладони раковин...

- Мне наши нравятся, мягкие и круглые,- впервые за долгое время я услышала голос ужа.- Когда улитка ползёт по тебе, то это довольно приятно. Щекотно немного, но в целом - да, приятно. Они милые и недалёкие, эти улитки. Могут ползти, в поисках другой стороны, и не догадываются, что надо двигаться не вдоль, а поперёк.

- Ну, что уж ты так строг к ним, Уж?

- Да, это я так. Грустно.
- Я смотрела прогноз погоды. Говорят, что ещё некоторое время будет тепло!
- Врут.- Коротко отозвался уж.
- Может и врут, - согласилась я. И добавила,- а может и нет.
- Может быть.- покачал головой уж.- Вам пора. Идите. Твоя собака замёрзла. Завтра разбуди, если что, ладно?
- Если что?!- не поняла я.
- Если будет прохладно, мне тяжело будет проснуться.
- А... Так может ты уже пойдёшь спать? Или, хочешь, будешь жить у нас?
- Нет, у тебя кот...
- Гм, точно...
- Ну, давай, разбудишь тогда. Доброй ночи!
- Доброй ночи, Уж!

Следующее утро оказалось ясным. Оно чем-то напоминало детство. Такое, в котором подстерегают одни радости. В котором быстро заканчиваются все краски. Кроме чёрной. Та лежит в своей ванночке, нетронутой. И засыхает, стареет, растрескивается, как пятка.

Почти вприпрыжку я отправилась на поиски ужа. И очень скоро обнаружила его. Слева от тропинки, в траве.

- Ого! Ты уже встал! Видел, какое нынче славное

утро?

Уж молчал. Он не мог мне ответить. Он был раздавлен,- колесом или чьей-то подошвой, неважно. Тот, кто сделал это, не мог не заметить его.

- Кап-кап...

- Что это? Это дождь или слёзы?

- Какая разница...

Влага слишком скоро наполнила ванночку с чёрной краской, перелилась через край и затопила мир вокруг. Небо, лес, трава ,- всё стало чёрным.

Я шарю по карманам земли, пытаюсь отыскать пустой. Кладу туда своего маленького друга, плачу и шепчу:

- Прости нас, людей...

Вот, собственно и всё. В напрасном ожидании хорошего, мы проводим свою жизнь. Смакуем предвкушение конца, вместо того, чтобы пестовать каждое мгновение радости, что выпадает на нашу долю.

Уж

Однажды днём довелось наступить на хвост юному ужу. Показалось, что в траве проволочка. Слегка прищемила краем ботинка. Уж взметнулся, шикнул возмущённо и замер, вместо того, чтобы бежать. Он был немного бледнее обычных ужей. Видимо, потревожили его не вовремя. Читал что-то... обдумывал. А тут - эта бесцеремонная человеческая особь... Мало ей места?!

- Малыш, прости, я не нарочно!- попыталась оправдаться я.
- Ага... не нарочно. Я теперь не чувствую хвоста! И ушибся, когда подпрыгнул...
- Ну прости, пожалуйста!- повторила я и принялась утешать, восхваляя его благородную бледность и стать...

Ужик приободрился, благосклонно выслушал, да так и остался лежать на середине тропинки, позволив себя обойти дважды, не пододвинувшись ни на микрон...

Вот так. Можно сказать, что мы разошлись, довольные друг другом. Пусть к хорошему лежит через мелкие, незначительные неприятности. Иногда.

Сказка об уже и мухе

На панцирной сетке осени, когда дни катятся кубарем под откос, имея все основания приземлиться в мягкий сугроб предвестника зимы, у входа в дом встретились двое.

- Ну, что, пора?
- Да, пожалуй.
- Остальных подождём?
- Некого, один я остался...
- Жаль.
- Пойдём лучше поскорее, холодно.
- Пойдём. Ты уже присмотрел, куда?

- Да, вон там, правее порога, лаз. Попроберёмся по-дальше, презимуем.

Птицы собирались улетать на юг. К морю. Одни молча собирались. Другие ругались перед отлётом, нервничали. И, чтобы легче было расстаться с милым сердцу краем, бранили его:

- Холодно стало ночами.

- Да, да! Так и есть!

- Мухи все попрятались, мошки и той не найти, чем детей кормить?!

- Правда, правда! Так и есть!

Мошек действительно было не сыскать. Пробежал, не останавливаясь, сезон прозрачных одежд. А свитеров таких скромных размеров не раздобыть. И сидят по домам мошки и мушки. Пьют сладкий чай у окошка и мечтают о жарком лете. Впрочем, кто успел, тот и доволен. Не всем удалось пробраться в приоткрытую щель форточки или юркнуть в просвет закрывающейся двери в дом. Кто-то остался снаружи и замедляется его дыхание, мёрзнут руки, стынут крылья. И всё ленивее становится летать, всё дремотнее...

- Эй! Ты что, спишь, что ли?

- Не сплю...

- Оно и видно, не расслабляйся, мы ещё не добрались.

- А долго ещё?

- Не знаю. В прошлый раз было недолго.
- А сейчас что?
- Что-что... Сейчас всё иначе, не как в прошлый раз!
- Давай поскорее, а?
- Я вроде и ...так-так, посмотрим... Что тут у нас?..
- Тряпка какая-то грязная!
- Гриб это, а не тряпка! Тряпка... Надо же! Следы зубов свидетельствуют о том, что здесь был взрослый... кабан!
- Ха-ха! Ну, ты прямо вылитый Пинкертон!
- Гм. А что такое пинкертон?
- Не что, а кто! И если ты не знаешь, кто он, то откуда тебе известно, что следы зубов принадлежат именно кабану?!
- Знаю. Свети ровнее, не видно же ничего.
- Не командуй. Я и так свечу.
- Плохо светишь! Ты мне затылок греешь!
- Я тебе не светлячок.
- Ха! Это точно.
- Я не вижу выражения твоего лица, но зато отчётливо слышу его.
- Слышишь?! Ты слышишь выражение моего лица?!
- Несомненно.
- Смешно. Уникальное качество, не находишь?
- Ты опять?!!
- Нет, ну, правда! Что ты там такого услышал в выражении моего лица?

- Ты был оскорбительно ироничен.
- Да что я такого страшного сказал-то?
- Ты усомнился!
- В чём? В чём я усомнился?
- В моём желании помочь!
- Да что за глупости?
- Нет, не глупости!
- Они самые и есть. Сперва светил мимо цели, а после принялся обижаться. Ну не с твоей-то прожорливостью себя со светляком сравнивать.
- Это ещё почему? Я что, по-твоему, много ем? Я обжора?
- По-сравнению со светляком - конечно!
- Что?! Ты опять?!
- Перестань обижаться. Ты не обжора. Но светлячки не едят вовсе.
- Так-таки и не едят?!- изумилась муха.
- Так-таки! - ответил уж. И неумеренный в своём желании сделать эффектный жест, кивнул головой, да так, что комок надкушенного гриба отлетел в сторону и увлёк за собой ужа. Муха отправилась было следом, но вспомнила, что умеет не только ходить, тяжело и неохотно взлетела.

- Уп-с! Змея! Гляди! Я тут скребнул лопатой немало, и в руки упала!
- Это уж.
- Да я вижу. Выпустить его на улицу?
- Погибнет. Холодно там.

- Да, ладно. Заползёт в дупло какое-нибудь и проспиг до весны.
- Не доползёт. Замёрзнет.
- А если мы его сами до дупла донесём?
- Всё равно замёрзнет!
- Ну, почему?!
- Да потому, что не сможет забраться поглубже. И в лучшем случае - продрогнет насмерть.
- А в худшем?
- А в худшем его , беспомощного, съедят мыши.
- Что ж тогда делать?
- Выхода два. Положить его, откуда взяли, но есть шанс, что он вляпается в цемент, когда будем ставить стенку. А второй - посадить в аквариум и кормить до весны.
- М-да... Кормить. Чем его кормить? Бананами?
- Мелкой рыбой, очень мелкой. Уж слишком мал, рот широко не откроет.
- Рыбой? Мальками?!
- Ну, да. Мальками. Лягушатами ещё можно.
- Нет! Ни за что! Никаких мальков, никаких лягушат.
- Ну, а чем тогда?
- Ничем! Он сюда забрался, чтобы перезимовать. Вот пусть и зимует. Положим в банку, туда бумаги нарежем. Мух туда накидаем. Проснётся среди зимы, мухой перекусит и на боковую до тепла. А там мы его отпустим.
- Наверное, можно и так. Только мух мы где возь-

мём?

- А вон - ползёт...

- Ну, что, довыпендривался? Сиди теперь в банке всю зиму!

- Мне кажется, или я в банке не один?

- Кажется!

- То-то... Что ты куксишься?

- Ты слышал?! Они запихнули меня к тебе, чтобы ты мной перекусил!

- Да, ладно тебе! Не обижайся. Это даже хорошо, что они не знают что ужи не едят мух! А то б придавили ногой и поминай, как звали!

- Жужей!

- Что?- не понял уж и переспросил,- Что жужжит?

- Да не жужжит ничего! Жужей меня звать!

- Здорово! Тебе идёт.

- А то ж!

Так, переговариваясь вполголоса, уж и муха укладывались спать в складках мягкой бумаги, которой была наполнена банка. Её поставили в дальний угол подвала, на полку. Чтобы свет не разбудил раньше времени последнего ужа и самую нерасторопную муху в округе.

Мы не станем фантазировать о том, что уж и муха заснули, обнявшись. У одной руки слишком коротки, у другого их не было вовсе. Но... для объятий часто довольно лишь одного намерения. Которое зреет в душе. Если она есть, конечно.

Серые влажные дни... Звёзды тускнеют, гаснут. Иные взрываются, раскидывая осколки по свету. Ранят босые души. Уличные весёлые фонарики тоже перегорают один за другим. Так люди перегорают и их меняют на новых людей...

- Вам жаль их?

- Кого?

- Людей.

- Конечно. Но не всех.

Было так неловко...

Было так неловко... Я застал её в самый разгар банной процедуры. Она расположилась на краю полузатопленного бревна. Широкими движениями отгоняла от себя с поверхности воды сор, зачерпывала пригоршнями, стараясь набрать побольше и обливалась. Довольно прикрывала глаза, ощущая, как стекает вода по стройному телу. Слегка изгибалась, помогая ей воссоединиться с водоёмом. А после вновь, раз за разом: набирала воду и давала ей сбежать.

Немного озябнув, она повела плечами, встряхнула головой, освобождая от капель влаги выгоревший на солнце чуб. Торопливо, смущаясь саму себя, провела под руками, по красиво очерченному животу...

А я всё стоял и смотрел. Не мог оторвать глаз. Было немного стыдно, как неловко овладеть случайно чужим секретом, и хранить его. Покуда па-

мяти есть дело до того.

Она была птицей. Но что ж с того!

От гаража до Млечного пути...

«- Ты знаешь, сколько от нас до Млечного пути?»

- Знаю!

*- А можешь ли ты мне поведать, друг мой,
какова масса чёрной дыры?*

- Легко! »

(Из разговора, подслушанного в одном из гаражей великой необъятной страны, которая называлась Союз Советских Социалистических Республик, в одна тысяча девятьсот восемьдесят втором году.)

Мы часто слышим о гаражных распродажах, которые происходят по ту сторону земного шара. По ту сторону добра. Отдаётся нажитое недорого, за иностранные копейки. Кто-то видит в этом признак бережливости, кто-то сетует на отсутствие сентиментальности. Иные объективны и констатируют наличие последствий навязанной страсти совершать ненужные покупки. Эдакий привычный вывих активного потребителя. Тошнотворный алгоритм побуждает избавляться от внешнего управления активами собственного сознания немедленно. Для советского человека это было бы именно так.

Но не всем так повезло с Отчизной.

В представлении жителей одной пятой части планеты, так подло разрушенного, гараж - место, куда пряталось «до времени» или «на всякий случай» всё, что невозможно разместить на балконе. Вишнёвое варенье, маринованные опята, лыжи, старый шкаф, детский велосипед и бабушкина швейная машинка «Зингер», которая не умеет ловчить и подличать. Не позволяет себе никаких зигзагов. Только ровные строчки, на том материале, который пошлёт судьба.

По окончании рабочего дня, большая часть мужескаго населения страны не стремилась домой, к жене и детям, а тоже пряталась в гараже. Чаще всего в соседском, ибо своим был наделён только автовладелец. А таких счастливчиков было намного меньше, чем теперь.

Сдвинув на сторону крышку бочки солёных помидоров, только чтобы внутрь пролезала рука, ловко сооружался не слишком изысканный, но аппетитный натюрморт из сэкономленного в обеденный перерыв кусочка сала домашнего посола, четвертинки хлеба и куриной ножки без кожи. Подле запотевшей бутылки «Столичной» пристраивалась пара маленьких гранёных стаканчиков для водки и один большой, для запивки. Выпивать веселее по двое, а запить можно и по-очереди. (Плавленный сырок, один стакан на всех и попытаться распоз-

нать, чем пахнет рукав - это для тех, для кого главным был результат, а не процесс!)

После первого немногословного, но радостного «Будем!», тостующие и тостуемые молчат. Им вкусно. Нехитрая еда в тесном привычном дружеском кругу куда питательнее разносолов в напряжённой обстановке:

- Хорошо бы Новый год тут справлять. А то я там, как дурак, сижу. Салаты, оливье, мясо, тещенька дорогая напротив щерится, настроение портит, а веселья никакого.

«Ой, Мороз-моро-оз! Не-е морозь меня! Не морозь меня-ого-го! Мо-е-го ко-ня...»- легко и непринуждённо, не сговариваясь, выводят слегка охмелевшие приятели.

- Вот только представь: растишь сосну с семечка, пестуешь, оберегаешь несколько месяцев, лет, а однажды к Новому Году - бац, и рубишь. Представил?

- Слышал, за углом грузчик повесился?

- Не слышал... А что случилось?

- Очереди не дождался! Наливай!

- А..!

- Ну, будем!

- Человек недоумевает относительно происходящего с ним. Он смотрит на себя в зеркало однажды и не узнаёт. Это я? Почему? Когда? Как?! Я же был прямо вот тут, всё это время! Но не заметил...

- О чем ты? Что за дичь? Ты только посмотри на

меня. Разве я был таким? Откуда эти морщины, лишняя кожа на руках, кривые голени? Откуда у меня кривые ноги, скажи?!

- Не знаю, не замечал. Что мне с твоих ног, ты не барышня, чтобы тебя разглядывать.

- А кого мы разглядываем, кроме самих себя, если даже это делаем неаккуратно, от случая к случаю, по случаю, случайно...

Домой из гаража утекают по-тихому, по-одиночке, почти не прощаясь. Запустят руку в бочку за прощальным помидорчиком, и всё. Кто прямоком на разборки «Где ты опять шляется, алкоголик?!», а кто и к «Вымой руки поскорее и к столу, поешь как следует. Устал, бедненький, а какая у вас там с ребятами в гараже закуска. Так, слёзы.» Последним из гаража выходит его владелец. Сдвигает на место крышку бочки с помидорами, запирает в навесной шкафчик стаканы, закрывает деревянную коробочку с солью. Выключает электричество и выходит в свет.

Расслабленной походкой продвигается в сторону дома, где ждут его жена-хозяйюшка и две дочери. Младшая ещё ходит в детский сад, и он по этой причине почти официально опаздывает на работу в цех ровно на тридцать минут. Жалеет дочурку. Будит попозже и ведёт в воспитательное учреждение. Начальник пытался было образумить слесаря, но тот слишком хороший работник, чтобы отве-

тить согласием на его «Увольняйте, а дочку мучить не намерен! Пусть поспит, пока маленькая!»

Проходя мимо детской поликлиники, мужчина балагурит:

- Нет, ну что ж это такое, кто сюда понаставил колясок прямо у выхода? Ни проехать, не пройти. Быстро расходитесь! Быстро! Кому сказано! Мамашам не до того. Стоят кучкой. Судачат о своём и закусывают семенами подсолнуха. За дело берутся папаши, молодые и не очень. Неловко хватаются за покатый полог цвета чая с молоком. Тянут на себя, вбок, в сторону. Некоторые чуть не переворачивают и неизменно получают выволочку:
- Дай, я сама, экий ты безрукий. А ещё отец! От тебя никакого толка, бестолочный ты...- смакует эпиглот молодая, подражая некой взрослой рыхлой бабе, которая уже раскладывает свои нехитрые пожитки в её сознании...

- Ну... завелась...- скажет один.

- А сама?! Думаешь, родила и всё? Принцесса...- возмутится другой.

Третий промолчит, поверит в свою никчёмность, да и запьёт горькую через месяц- другой. Шибко запьёт, ибо обидится шибко...

Подходя к подъезду дома, в котором живёт, хозяин гаража слышит, как сосед громко возмущается чему-то, трясёт зажатой в руках газетой с такой силой и яростью, что, кажется, ещё немного и буквы осыпятся с печатного листа:

- Ха! ЧертовА!
- Ты чего?
- Да, журналюги эти хреновы. Кто их учит?! У меня образования три класса да коридор, и то вижу, что в газете ошибка на ошибке.
- Бабушка моя, покойница, ЦэПэШа упоминала в таких случаях. Церковно-приходскую школу. А что там?
- Да вот, смотри,- «поедите».
- Ну?
- Что, «ну»? Гну! Что они там есть собрались?! Поедите!
- А... Ну, да.
- Вот тебе и «ну, да»... Вот как только замечая в тексте первую ошибку, сразу же он превращается для меня в пустой звук. Осыпается буквами в помойное ведро.
- Образно... Тебе не слесарем работать, а писателем.
- А то!
- Что с рукой?
- Да, из- за муравьёв! Покусили.
- Во...
- Отдыхал я в отпускУ на огороде. Мне моя клумбу с её георгинами приказала кирпичами по кругу обложить. Как в ЦПКиО, барыня моя, велели сделать-с. А где я кирпичей-то найду? Просто, как в сказке: «пойди туда, не знаю куда». Нашёл один кирпич, поднял, а там - муравьиная ферма. Их яич-

ки, по сантиметру каждый. Цвет - чая с молоком. Похожи на маленькие колясочки шестидесятых годов. Я своей тогда доставал такую, помню. Кинулись муравьи распахивать деток поглубже. Я им говорю, мол - давайте, переезжайте спокойно, не тороплю... Парочка накинута на меня. Стали кусать. Вцепились в руку, ровно бульдоги какие. Думали, что я обидчик, разрушитель муравейников. Дал им время на переезд. Вернулся, а эти недотёпы просто в сторону отнесли малышей! Под соседний кирпич. А он мне тоже нужен же! Опять им сказал, чтобы хватали детишек и ехали дальше. Когда камень поднимал - пахло как эта , бонга-бенге, мазь, бабка моя ею ревматизм свой лечила... - Да... дела. Каждый думает, что мир принадлежит только ему одному. У родителей в деревне во дворе пчела-плотник живёт. Думает, что участок её собственный. Когда пытаешься присесть на скамейку - сгоняет, провожает аж до угла дома, возвращается, садится сама и нервно потирает ладони, как большая и красивая муха. Мать без бати во двор и выйти уже боится. - А моя лягушек боится. Мать-то. Как услышит «Ква-ква», белая вся делается. И просит отнести «эту гадость» подальше. Я маленький был, если она меня пороть принималась, на крыльцо выбежал, хватал лягушку, что под порогом пряталась и уж матери не до наказания становилось. Кричала да за сердце хваталась. Чем они её пугали, не по-

йму. У нас на пруду жил один ляг. Жалко его было. Придёшь с удочкой, карасей ловить, а он не квакает, а стонет. Да жалобно так. Раскинется в ватных зелёных перинах, и судьбу клянёт. Года за два до того, уж вероломно напал и погубил его невесту. О новой и не помышлял. Я ему таскал девиц. Ни на одну не глянул, всех отверг. Регент. Холостяк и однолюб. Доминантсептаккордом встречал каждый громкий звук. Хлопок весла по воде, громкий голос. Воспринимал его, как вызов. И реагировал. В любое время дня и ночи.

- Ишь ты!- восхитился слесарь,- доминантсептаккорд! Богатое слово!

- Да, я горнистом в пионерской дружине был,- отчего-то засмутился сосед,- учитель пения с нами занимался этим, солфеджо... Забыл?

- Не знал! И,- сольфеджио!

- Ну, ага, им...

- На рыбалке хорошо. Тихо. Сидишь, так чтобы жаром солнечным не зацепило, почти не дышишь. И прохлады от речки идёт, и ветки веером машут. Вокруг ни души и только жоржики неутомимы в своих распевках. Отовсюду слышно их бесконечное: «Соль... соль...с оль...» - первой октавы. Зажмёшь такого в кулак, к уху поднесёшь, а он жалобно так : «И-и-и! Отпусти-и-и!» Ну и отпустишь, конечно, чего зря душу живую губить. Однажды гляжу - не то дощечка у кромки воды не то грязь какая. Расписная вся, намешана. Пальцем

ткнул, оказалось - жук. Взмахнул крылами, вжик и улетел!

- Ты, говорят, дочь замуж выдал?

- Выдал,- вздыхает сосед.

- Парень-то как, ничего? Не выпивает?

- Не. Не позволяет себе. И не курит даже.

- Молодец! Наш! Эколог!

- Эколог, это у нас на заводе, а этот... Да странный он какой-то. Я с работы однажды прихожу, прошу

- повесь мою куртку, будь ласков. Устал, сил нет рук поднять. Он спрашивает, куда вешать. А я возьми и ответь: «Куда-нибудь! На интересное место!» Тот взял и на люстру повесил. Юморист. Станный он.

- Да, это ты ревнуешь просто. Дело известное.

- Может, и так...

- Не цепляйся. Тебе с ним не жить.

- Это верно. О, слышь, я когда на огород ехал, встретил нашего старосту. Помнишь его?

- Пашку-то? Помню. Как он?

- Да вот, гляжу я, через проход старичок сидит. Седой весь, съёженный даже. Тихо так спросил: «Пашка, ты?» Ну, так и оказалось. Он удивился сильно:

- Как же ты меня узнал?!

- Да, вот,- так!

Разговорились. Живёт один, за городом. То собак заводит, то коз. Зимой тяжело, на участке света нет, так он у печки читает. Не хочет в город. Гово-

рит, одиночество сильно там по нервам бьёт. За городом, вроде есть чем оправдаться, что один, а так... Пока говорили, в Паше стали проступать черты свежего, даже юного мужчины... вместе со сквозняком из приоткрытой калитки в прошлое. Облик стал меняться буквально на глазах. Очень скоро передо мной был уже не одинокий старик, не бледная копия самого себя, а крепкий мужчина с перепачканными мелом волосами. С морщинами на лице, которые появляются у тех, кто часто улыбается солнцу. А вовсе не от старости, нет. Только вот, как на перрон вышел, оглянулся на меня, беспомощно так, растерянно и опять стал тухнуть. Жалко его.

- Гм. Жалко. А какой парень видный был. Все девчата его было. Выбирай любую.

- Долго выбирал, видно.

- Не шути так.

- Да и не шучу я вовсе. Помнишь, Галку Шапошникову? Какая была девушка! По сию пору помню, как она пахла! Дюшесом и ванилью, как булочка, как вкусный завтрак ранним летним утром... или осенней порой... или на берегу океана, где бриз пересчитывает салфетки на столе, поправляет причёску и заботливо отряхивает юбку от песка...

- Ну и?

- Ну и прозевал Пашка галкину любовь. А уж она так его...

- Мда. Дела...

- Ладно. Пошёл я домой. Ты приходи завтра в гараж после работы. Посидим.

- Спасибо, приду...

Человек воспринимает долгую зиму, как временное недоразумение... Быстро устаёт от жары короткого лета. В начале жизни считает её бесконечной, а прожив половину, понимает как она коротка и никчемна. Гараж внезапно оказывается запертым надолго, а через какое-то время из его распахнутых ворот доносятся звуки некой ритмичной белиберды, в такт которой приплясывают молодые пацаны в спецовках и пьют всякую гадость... Молча, с пустыми глазами. Каждый - сам по себе, а не подле вкусно пахнущей бочки с засоленными на зиму помидорами. По рецепту ненавистой тётчи.

Сердце...

Представь, что сидишь на берегу... И ветер с моря доносит до тебя солёные кусочки воды... А N в кабинке... И ты следишь за нею издали, и вот уже скоро она покажет свой лик... тебе и солнышку, которое ещё не вполне проснулось и нежится за горкой сливок из облаков...

Ну, разве не прелесть? Знать, что тебя любят и ждать проявлений этой любви...

Колоритный фактурный папа-армянин говорит своей младшей дочери о том, что камень на берегу моря похож на сердце. «Что?»- Спрашивает

девочка и наивно таращит на него свои сумеречные бездонные очи.

Папа, голосом мягче карамели, повторяет свои слова. «Не понимаю», - вздыхает малышка. В беседу вмешиваюсь я и произношу то же самое. О том, что этот камень похож на сердце. Девочка радостно соглашается, часто кивает головкой и её кудряшки мелко дрожат, как листья берёзы на сквозняке осени.

Вся семья оборачивается и с удивлением смотрит на меня. Я - белобрысая и голубоглазая, говорю по-русски. Папа - на армянском, так же, как и вся семья.

И да, я не знаю армянского языка, но знаю, как рассказать ребёнку о том, каким может быть сердце.

Юным

Юным проще реагировать на попытки окружающих сблизиться. У них нет ещё грустного опыта предательств. Они распахнуты, они идут навстречу, разверзнув души, в поисках подходящих по размеру, созвучных хрупких хрустальных граней. Но, в силу неопытности, им многое подходит. Кажется, что так.

Рыхлая поверхность сердец, в которой тонет всё сладкое, скользкое, привлекательное внешне и горькое на поверку... У них нет скул, сквозь которые проступают желваки сдержанного гнева, нет

солончаков высохших слёз. Ничего нет. Всё забыто в прошлых жизнях.

И,- слава Богу, что так. Иначе, сидели бы они в своих скорлупках и не высовывались.

Только необходимо, чтобы рядом с их красиво растрескавшейся скорлупой был некто, весёлый и стройный. Который подтолкнёт из глубины к поверхности воды, в тот момент, когда жажда вдоха опалит сознание впервые. Который подаст руку в тот самый миг, когда уж, кажется, не на что опереться ступне в красивом и глупом ботинке. И станет рядом в бою, когда иным уже нет до тебя никакого дела. А чуть позже- выбьет из рук сигарету. И даст оплеуху, чтобы до звона в ушах.

Да запомнится он, и как звон колокольный, разбудит души камертон!

гАДости...

Море. Полусогнутый пальчик бухты едва движим в дремоте неразличимого глазу прибоя. Трудно не поддаться соблазну кормления чаек и рыб поутру. Чайки пугливы. Левым плечом вперёд, перебежками, прокрадываются поближе. Выясняют, насколько съедобно то, что им предложено, а после запрокидывают голову и хрипят, полоща горло кусочком неба, подзывают наследников, одновременно отгоняя челядь и соплеменников.

Рыбы намного смелее птиц. Подходят прямо

к рукам. Не спеша вчитываются в меню. Степенно вкушают. Те, что покрупнее, хватают большие куски лаваша. По чину! Мелким достаются крошки. Но никто не в обиде. Разломанная в труху лепёшка парит в толще морской воды, как аппетитное облачко. Рыбы сообщают друг другу о фуршете и прибывают, прибывают, прибывают. В телесных пижамах с красно-синими полосочками, в халатах благородного тёмно-синего цвета, малыши в шортиках, а девочки в коротких юбках плавников, едва прикрывающих основание хвоста. Ещё сонные, зевают, волокут махрушки своих полотенец, оставляя едва различимые следы на дне.

Прибрежная гора, остужая ступни в тазике моря, шевелит толстыми желтоватыми пальцами, ероша водоросли. Рыбы, привыкшие к этому, не выказывают недовольства. Как не сердятся они особо и на рыбаков. Им смешны решимость и намерения этих двуногих, в мокрых штанишках. Рыбы аккуратно проплывают мимо их колен, удочек, приманок и лески. И лишь иногда, зазевавшийся некстати карасик, попадаетеся на крючок.

Приятная семейная пара на берегу моря с маленькой собакой. Та только что сходила побольшему и мужчина, симпатичный, загорелый, его даже вполне можно назвать красавчиком, вытер под хвостом собаки салфеткой и, не задумываясь, повесил вымазанный лоскут на куст.

- Что вы делаете? Уберите за собой немедленно!
- Потом,- говорит этот пропорционально сложенный самец человека и уходит, увлекая за собой очкастую самку и маленькую собаку, которой совершенно всё равно,- убрали за ней или нет. Она сделала своё дело и может идти дальше, задорно помахивая своим хвостом. А что сказать относительно её хозяина? Дрянь человек. Только и всего.

О качестве человека также красноречиво свидетельствует манера его взаимоотношений с дверями. Вагона, лифта, подъезда... Придерживаешь дверь, чтобы она не хлопнула, охая и скрипя сочленениями, полозьями и петлями? Прикрываешь её, а не оставляешь распахнутой всем ветрам? Можешь считать себя человеком! А нет,- становись в ряд с вышеописанным индивидуумом, который будет целый месяц после поездки на море рассказывать, как грязно на российском побережье Чёрного моря! Сколько г...АДости! А то, что он сам, и ему подобные, эту грязь и организовали - промолчит.

Если ёжик сходит в туалет прямо на дорожке к дому, не успеет добежать до укромного местечка, так к обеду - ни следа уже, чисто. Муравьи постараются. А вот человеческое...гуано...никому неинтересно. Даже ему самому. Морщит нос брезгливо, но одним лишь этим и ограничивается.

- Глупо стараться оставить следы на дюнах времени. Они всё равно исчезнут, не успеешь даже отдёргнуть ступню от зыбкой поверхности едва случившегося прошлого. Нужно идти в гору. И вырубать на скале вечности своё имя...

- Что-то вроде "Здесь был Вася?!" Не лучше ли оставить всё, как есть? Без сколов и трещин. Без ущербных надписей. Беречь, как старинный драгоценный сосуд.

А мы-то, мы,- оставляем позади себя вытоптанные газоны и нечищенные дымоходы. Годовые кольца прожитых лет, рыхлые от грязи подлых поступков, делают нас старше, чем мы есть. Страшно представить Маленького Принца пятидесятилетним с бутылкой пива в руке. Трудно предположить, что каждый маленький - Принц. До первого плевок мимо сосуда, предназначенного для этой цели. Слишком скоро случается он...

Поганая история

...кто знает, кто и каким приходит в этот мир

На столе чашка простывшего кофе и тарелка с кусочком пьяной от мадеры утки. Утичища некогда явно страдала ожирением, но была благополучно избавлена от страданий, сопутствующих сему пороку. За окном - морозный июньский день...

В доме рядом с печкой лежит собака. Такая...

старенькая. Несмотря на то, что её миска никогда не бывает пуста, худеет день ото дня. «Не в коня корм», что называется. С течением времени оказывается, что всё, о чём твердят поговорки - правда. И это откровенно пугает.

- Эй, собака! Соба-ака! Ты спишь? Иди сюда, возьми кусочек.

Собака продолжает лежать. Она почти никого не слышит, практически ничего не видит. Когда ей что-то говорят, пытается прочесть по губам. Даже если обращаются вовсе не к ней... Большую часть дня собака спит. Во сне она может всё то, чего, увы, уже не в состоянии совершить наяву. Весело скачет вокруг хозяйки, лает, как щенок, хотя, за всю свою долгую собачью жизнь она делала это от силы раз семь. Раз в два года. Ей казалось неинтеллигентным скандалить попусту. К тому же, положив руку на сердце, собаке не совсем нравился звук собственного голоса. Не то, чтобы он был визглив или неприятен, отнюдь. Ну - не нравился, и всё тут.

Независимо друг от друга, с тарелки на пол, в собачью миску перекачëвывают два куса домашней дичи. Люди никак не могут привыкнуть к той мысли, что собака настолько стара, что никакими разносолами не вернуть былой подвижности и искры лукавства в её глазах.

Усталое терпеливое внимание, надежда расплатиться за заботу о ней. До последнего мгновения.

И безграничная любовь... любовь... любовь...
Ей и раньше не было дела до своих надобностей.
А теперь уж и подавно. Самое главное -чего желает хозяйка. Игнорируя вкусные куски у себя по носом, спит так глубоко, что кажется будто она уже на том многоцветном прозрачном мосту меж бытием и его противоположностью. Но моментально вздрагивает от любого громкого стука, вибрации досок пола. Каждый окрик воспринимает обращением к ней. С трудом открывает глаза. Тяжело поднимается, медленно разгибая поражённые артритом ноги и вопросительно смотрит на хозяев: «Что случилось? Нужна помощь? Куда идти?! Пока я ещё в состоянии...»

- Ба-ба! Ба!

- Ну, чего тебе? Смотри, опять собаку разбудил. Что ж тебе неймётся. Хватит мучить старушку. Мало она от тебя натерпелась?..

- Бабуль, да, ладно тебе. Я больше не буду. Можно я погуляю?

- Вот ещё, не вздумай.

- Ну, бабуль! Бабусечка-красотусечка, ну, пожалуйста!

- И не упрашивай, непоседа. Сиди, вон. Простудишься, чего доброго. Или, вон - как мама.

- А что мама? Она тоже гуляла?

- Тоже.- бабушка сморщила гузкой губы и недовольно покосилась на маму, которая делала вид,

что происходящее не имеет к ней никакого отношения и продолжала суетится подле кухонного стола.

- Мама, а что ты готовишь?
- Тесто замешиваю.
- Будешь пирожки печь!?
- Пирожки.
- А с чем?
- С грибами.
- Фу. Я не люблю с грибами!
- Так и я не люблю...

В некотором царстве - государстве, немного дней и много минут назад, жили-были совершенно бледные поганки. Хозяйство своё вели, подобно норманнам, тихо. Жили замкнуто, как гномусы, в укромных пещерах. Месили тесто мицелия, влюблялись, растили детишек, ухаживали за стариками. Друг с другом были почтительны. Мужья своих жён баловали, те их величали по имени-отчеству, да на «Вы».

Детки у поганцев были смирные, тихие. Все, как один стрижены «под горшок», с ровными пухлыми щёчками, без намёка на румянец. Тихо играли рядышком, вповалку укладывались спать, там, где их настигала усталость. Родителей стеснялись и любили. Старших почитали, но считали ровней. Ибо тем было можно ровно столько же, сколь и им самим.

И всё бы у бледного народа было ладно, если бы время от времени, под напором проливных дождей, их пещеры не заливало водой. Сама по себе влага проблемой не была. Тесто грибницы впитывало её, как губка для мытья посуды, практически без остатка. Но то, что проникало с её потоками... Споры споров, слёзы недоразумений, рыдания авантюризма и всхлипывания беспечности. Всё, что проникало с дождями, вносило в размеренную жизнь поганцев долю смятения. Неопасное для зрелых и умудрённых опытом, оно смущало юных. Побуждало совершать поступки необдуманные, свойственные незрелому пытливому уму.

И вот однажды, после очередного дождя, обильно смочившего землю, на её поверхности появились некие оспины. Немного погодя, кто-то изнутри ощупал кожу почвы ловкими пальцами. Слегка потёр её и на мир вокруг глянули янтарными глазами шляпки поганок. Глянули и...

- Вы куда, безобразники?!
- Бабушка! Мы гулять хотим! Отпусти!
- Не пущу, негодники!
- Ну, нам же ж интересно!
- Интересно им. А вы знаете, что без зонтов наверх нам нельзя?
- Знаем!
- А вы понимаете, что, если потеряете свои зонты, то уже никогда не сможете вернуться домой!? Ни-

когда не встретитесь с братьями, не обнимете маму с папой, ну и меня заодно.

- Нет... Мы не знали. Но нам очень хочется посмотреть на мир, который там, наверху!

- Эх, мои вы дорогие. Что с вами делать. Раз уж вас не остановить, старайтесь не привлекать к себе внимания. И запомните, что наверху вам можно быть совсем недолго. Всего лишь три дня. Если вы не потеряете свои зонты, если они переживут свои три цвета и не будут испорчены, вы вернётесь домой.

- А что это за цвета, о которых ты говоришь, бабуля?

- Вот, баламуты. Простых вещей не знаете, а собрались покорять землю! Так слушайте внимательно. В первый день зонт будет цвета топлёного молока, которое горчит, как вы врёте, если не желаете его пить перед сном. Во второй день зонтик будет цвета молочного шоколада. А в третий... Впрочем, если вы вытерпите и простояте на одном месте два дня, да не натворите бед, сами увидите, каким будет зонтик на третий день! Всё ясно вам, детки мои милые?

- Ясно, бабушка!

-Ну, тогда в путь. И запомните хорошенько,- ни в коем случае не сходить с места. Вышли и стойте там, где стоите. Да, и глаза сразу не открывайте, а то, неровён час ослепнете. Светло там. Ох и светло...

Понемножку, потихоньку, сантиметр за миллиметром, продвигали смелые поганчата свои зонтики наверх, пока не смогли полностью раскрыть их. Осторожно, как учила бабушка, сперва через реснички, поглядели по сторонам. Налево, направо, перед собой, вверх. И там, наверху, они впервые увидели небо.

Голубая шляпка небосвода оказалась столь головокружительной и так манила осмотреть её всю, что сделать это полужакрытыми глазами было просто невозможно. И, позабыв об осторожности, бледные от возбуждения более обыкновенного, поганчики распахнули свои глаза настолько широко, насколько это вышло. Первый раз в жизни. Впрочем, многое из того, что они делали в этот день было впервые.

Конечно, они почти сразу позабыли о напутствии бабушки не сходить с места, но вряд ли смогли бы сделать это, даже если бы захотели. Первый день, День цвета Топлёного молока они простояли не шелохнувшись. Впитывая аромат голубого неба каждой клеточкой своего тела. Глубина синевы была столь всеобъемлющей, что, казалось, оступись немного, покачнёшься и улетишь ввысь, вверх и утонешь там безвозвратно.

Перевести дух они смогли лишь тогда, когда заметили черного жука, торопившегося вдогонку закату. Тот успел добежать до своего домика меж корней невысокой травы незадолго до того, как во-

круг сделалось темно и прохладно. Поганчики осмелели и собирались уже было побродить, рассчитывая, что сумерки уберегут их от любопытных глаз. Как вдруг тропинку, подле которой они обосновались поутру, лизнуло лучом света. Один раз, другой... Затем послышались шаги шести ног.

По тропинке шёл человек, слева от него, прихрамывая, брела собака.

- О, грибочки! Смотри, какие симпатичные!

Собака нагнулась, чтобы понюхать, споткнулась и едва не поломала шляпку одной из поганок.

- Ну, что ж ты так. Себе ногу ушибла, их чуть не угробила. Не трогай, пусть себе живут спокойно. Пойдём. Гляди-ка, там ещё кто-то...

Дождевой червяк, задремавший на тропинке, при свете фонаря сперва засуетился, пытался бежать, а потом, расслышав успокаивающее «Не бойся, я тебя не обижу!», остановил судорогу своих колец и остался лежать подле арендованной на одну ночь норки в земле. Только чуть подвинулся, давая собаке пройти, и всё.

Каким образом зонтики поменяли окраску, поганчики не поняли. Но второй день, как и обещала бабушка, они провели под сенью, цвета молочного шоколада. Мальчишкам казалось, что они уже старожилы тут, наверху. Тихо хохотали, толкались и даже, пока никто не видел, немного отклонялись от вытоптанной за день площадки.

- Слушай, смотри, как здесь здорово!- говорил

один другому.- Давай, останемся тут навсегда, а?

- А как же мама? А бабушка? А папа? Папа тоже расстроится!- не в шутку пугался второй.

- Я бы не советовала вам этого делать,- раздалось где-то рядом. Да так близко, что поганчики испугались оба разом.- Не советую!- услышали они опять и от страха прижались друг к другу, переставив ножки точно в тоже место, с которого так необдуманно пытались сойти.

Издалека слышался грохот, шумное дыхание и по тропинке мимо них проехала тележка, нагруженная глиной. Человек с тележкой был знаком им по ночному происшествию. Он остановился подле и сокрушенно пробормотал, разглядывая развороченную подле ножек грибов землю:

- Ну, вот и зачем? Зачем портить?! Простоят день-другой, и всё. Зачем укорачивать? Ну, пусть живут, сколько смогут. Губить-то к чему?! - махнул рукой, ухватил тележку и покатыл её дальше.

Поганчики ещё теснее прижались друг к другу и стали ждать, когда пройдёт этот день. Мимо них бегали солдатики в красной портупее. Проходил барашек, похожий на облачко с ножками. Он потянулся было к мальчишкам, но увидел их испуганные рожицы, наморщил нос и не стал трогать.

Когда тени стали отдавать предпочтение востоку перед западом, их навестил щенок бабочки. Чёрный, мохнатый. Такой смешной и простодушный. Он несколько раз важно продефилировал ми-

мо, а потом-таки решился, подобрался поближе, скинул капюшон и оказался девчонкой. Она весело рассказывала новости, во все лопатки кокетничала, то и дело поводя карими глазницами в сторону мальчишек. А потом вдруг засобиралась и ушла.

- Мило поболтали, - сказал один.

- Зачем ушла? - согласился другой, - могла бы и до завтра побыть с нами.

- Слушай, а завтра-то последний день. Третий!

- Угу. Интересно, какого цвета будут зонтики...

А назавтра зонтики стали чернеть. Солнце сушило и жгло их, изгоняя из того мира, в котором нельзя быть только гостем. Мальчишки оглядывались по сторонам, пытаясь наскоро запомнить всё, к чему так скоро привыкли за это время. Голубое небо. Ребёнок трясогузки, который заглядывал в окно домика, что стоял неподалёку и вытягивал шею, как гусь, громко сокрушаясь, что он не камбала и не умеет глядеть двумя глазами в одном направлении. Мальчишки не видели рыб подле, но примерно представляли себе, кто это. Щенок бабочки рассказывал, как маленькие люди скормили рыбам в пруду взрыв пакеты. И наблюдали после, как тех разрывает на неровные кусочки... Нет! Такое забирать с собой и думать об этом всю жизнь было страшно. Ничего не оставалось, как из последних сил смотреть на небо, чтобы утопить в его голубых волнах дурные воспоминания и пред-

чувствия.

Шляпки грибов съёжились, ножки превратились в чёрные прутики. А через пару часов от них и вовсе ничего не осталось.

Чёрная пчела плотничает на краю скамейки, где отдыхает тот человек, который толкал перед собой гружёную глиной тележку все эти дни. Несмотря на то, что ему приходилось тяжело, он аккуратно объезжал выросшие прямо посреди дороги поганки. Конечно, проще всего было бы проехать по ним колесом, раздавить в труху и не доставлять себе неудобств, не прилагать лишних усилий. Но... совершая добрые дела, усилия никогда не бывают лишними. И кто знает, кто и каким приходит в этот мир. Человек понимал это. Как знал он и о том, что каждый день важен. А у тех парней в забавных шляпках цвета топлёного молока, их было всего-навсего три.

Три длинных коротких дня на земле.

Сосна

Прежде, чем сорвать цветок, поговори с ним.

Вдоль железной дороги бежит большая собака. Толстый у основания и длинный, похожий на крысиный, хвост чуть загибается вверх, как у скорпиона, а кончики ушей болтаются подобно крыльям бабочки. Вверх и вниз. Ей весело от того, что поводок не натягивает ошейник и она может спокой-

но заниматься своими прямыми обязанностями. Отмечать границы владений и оберегать сына хозяйки, которого она взяла с собой на прогулку. Время от времени собака останавливается и проверяет, чем пахнет ветер. Если ничего подозрительного или опасного не ощущает, то продолжает свой безудержный галоп. Растрачивая накопившееся за ночь утомление, разгоняя скуку мышц, ослабленных постоянным возлежанием на одном месте. Если ты большая собака, в доме не побегаешь, не повеселишься. Только поднимаешься со своей лежанки и уже окажешься помехой. Собака в очередной раз повела носом по ветру и ощутила слабый запах тины впереди. Обогнала мальчишку и остановилась прямо перед ним, мешая идти дальше.

- Ну, Сара же, какого чёрта?

Собака снисходительно обернулась, но с места не сошла. И тут маленький человек увидел, что кусты на краю дороги выдавили из себя тёмную серую ленту.

- Ой! Гадюка!- воскликнул мальчик и, благодарный, погладил собаку по голове. Та довольно шевельнула хвостом и побежала вперёд.

Через пару сотен метров им встретилось знакомое семейство кабанов. Собака сделала пару прыжков по траве в их сторону, а потом обернулась к мальчику, спрашивая позволения побегать с кабанями, но тот отрицательно покачал головой:

- Видишь, там поросята. Слишком малы. Испугаешь.

Собака согласно кивнула головой, прыжком же вернулась назад и они отправились гулять дальше.. Пройдя ещё немного, наткнулись на ветку сосны, некрасиво присохшую к краю лужи с глянцевыми растрескавшимися пятками.

- Странно, откуда тут ветка? Здесь же берёзы да дубы. Сосны с той стороны...

- Шлёп,- под ноги, прямо через насыпь перелетела ещё одна ветвь.

Мальчик взобрался по гальке наверх и разглядел, что железнодорожные рабочие расчищают полосу отвода путей. Прямо у него на глазах выдернули с корнем очередную молодую сосну и бросили в траву умирать.

- Что вы делаете?!

- Подумаешь, делов-то... Оно ж даже и не сосна ещё, а так,- ветка с корешками.

Деревце лежало на боку, дивясь неестественной близости земли, ощущая, как почва уходит из-под ног, сохнет на придорожном сквозняке, превращаясь в песок, щекочет, осыпаясь. Становилось как-то пусто и неудобно. Сильно хотелось пить, но делать это лёжа на боку сосенка не умела.

- Сара, рядом. - приказал мальчик собаке, быстро снял с себя рубаху, положил на землю подле умирающего деревца и немного замешкался,- Как же тебя поаккуратнее ухватить...

Потом перекатил сосенку на рубашку, закутал, как ёжа и обращаясь к собаке, сказал:

- Всё, давай, быстро, бегом. Сосна умрёт, если осыпется вся почва с корней...

...Сосенка пошевелила пальцами ног и почувствовала, что им тепло, мягко и уютно. «Ох,»- подумала она,- « Какой кошмар приснился мне, однако. Меня похитили из дома. Потом я летала во сне. Не надо было пить так много дождевой воды...» Она открыла глаза и удивилась переменам вокруг: «Забор. Собака. Люди. Кто они? Зачем они поставили около меня забор? А там? Что это за большая лужа неподалёку?» Сосенка чуть наклонилась в сторону пруда, чтобы разглядеть зеленую воду, цветок кувшинки в самом центре и блестящую лягушку на его берегу.

- Вот, кажется пришла в себя.

- Ага, гляди, иголки стали мягче, а то казалось, вот-вот осыпятся.

- Ну, хорошо. Пойдём, пусть отдыхает. Теперь её дом здесь.

Сосенка привыкла к новому месту. Ей нравится дразнить кусты смородины, что живут по ту сторону забора, который охраняет её от бессердечных людей в оранжевых жилетах. Зимой она охотно разрешает дятлу и поползням прятаться среди ветвей от ветра. Радует новогодней гирлянде из фонариков, сверкающей на её стройной фигуре. А весной, когда пальчики веток распускают бутоны

фейерверком нежных молодых побегов, минуя сходство с маленькими восковыми свечами из прошлого, она становится уязвимой. Нежной. Немного нервной. Часто хнычет по вечерам. И просит уберечь её от чёрных гусениц сосновых пильщиков. Они завивают хвою, делая её кудрявой, пережигают перманентом, и та опадает. Остаётся одна лишь голая беззащитная веточка.

Чёрные гусеницы агрессивны, как цепные псы. Заметив приближение врага встают на дыбы и делают выпады, с чуть заметным шипением. Но пугаться этого нельзя. Нужно собрать, всех до единой, и отнести подальше. Сосенка терпелива. Ей немного не по себе и чуть-чуть щекотно. Расставляет пальчики иголок, когда необходимо, замирает, упруго переча порывам ветра. А после - радостно одёргивает свои вечнозелёные юбки. Мгновение спустя сосенка беззвучно чихает, достаёт из зелёного ридикюля заветную склянку и выпускает ароматное хвойное облачко. Благодарит.

Элегантно. Небанально. Сердечно.

Прежде, чем сорвать цветок, поговори с ним. И, быть может, ты передумаешь.

Надеюсь, что так...

Навстречу...

Какая это радость, украшать не угасший безжизненный ствол, а живую сосну!

Она стоит, скромно опустив глазки, как невеста. И едва дышит от предвкушения. Волнуется так, что снег на кончиках игл тает. Да и как не возрадоваться возможности блеснуть в ответ редкому блику солнца, что пробился, растолкав вату облаков. Позволить ветру дотронуться прозрачным пальчиком до стеклянного шара и даже раскачать его! И огоньков биение, в такт радости, что жива, пока жив ты...

- Руку давай.- И Сосна протягивает ладонь, аккуратно подобрав кисть ветки щепотью.- Мизинчик прижми, задену!- Сосна прижимает покрепче к веточке оставшуюся иголку и я аккуратно надеваю блестящий поясик шарика ей на запястье.

- Не жмёт? Не давит нигде? Не больно?

- Нет-нет! - быстро крутит головой и тянет руку в сторону - поглядеть, как оно выглядит.

- Нравится?

- Очень! - восторженно вздыхает она и протягивает другую руку. - Давай ещё!

- Не будет тяжело?

- Нет! Будет легко!

- Ну, ладно,- и я беру другой шарик, третий, четвёртый, - продеваю в ушко каждого струю мишуры, привязываю чуть выше ладони. Чтобы не тянул вниз, не ломал иголок, не мешал.

- Всё, довольно!

- У-у-у! Мало!

- Хватит, гляди: фонарики и шесть шариков! Куда тебе больше? Больше будет некрасиво.

- Гм... Правда?

- Конечно, правда! Мне не жалко, я могу тебе их нацепить хоть все разом! Но, во-первых, тяжело будет, а во-вторых, безвкусно. А если шарики засыплет снегом...

- Ладно-ладно, уговорил. Пусть так. Иди уже!

Я отхожу на пару шагов, чтобы полюбоваться, решаю что шарики надо поменять местами. Возвращаюсь к Сосне, снимаю один, второй...

- Ой! Зачем это ты?!

- Не волнуйся, лучше будет, если золотой шарик будет справа, а малиновый слева и немного ниже.

- А... Ну, хорошо. Если будет красивее...

- Угу, будет, не переживай! - я ещё раз отступаю в сторону, чтобы проверить, всё ли так, как надо.

Вроде бы, да.

Сосенка немного волнуется, торопит меня. Ей уже хочется, чтобы я шёл в дом. Скоро стемнеет, а надо успеть покрасоваться перед всеми.

Я ухожу и наблюдаю через окно, как кокетливо и лукава Сосна с синицами, как заботлива к воробьям, царственна строга с дятлами... Одна из синиц раздухарилась чересчур, попыталась умыкнуть самый яркий шар. Как шарфик, что крадут кавалеры у дам, пытаюсь обратить на себя больше внимания, чем они того достойны. Но,- и шарик на

прежнем месте, и птице было указано на дальнюю от Сосны ветку. Строга... Недотрога!

Я смеюсь и с нежностью наблюдаю за ней. Но мороз - тот не растроган, хмурит брови, перчит воздух, гонит всех прочь. И попрятались зрители поближе к печной трубе, под крышу. И осталась Сосна одна, вторит мерцанию неблизких звёзд голубыми огоньками...

Грустно ли ей? Одиноко? Зябко? В доме - запах разгорячённого кофе и не купленных ещё мандаринов. Но зачем сосне кипятилок и цитрусовые? Ей довольно мимолётного тепла человеческих рук, выбирающих в хвое гусениц или украшающих ветви дешёвыми блестящими шарами. Это - дорого. К тому ж... Сверкание шаров, оно вполне может быть дешёвым. Но не сияние глаз. Навстречу.

Всё испортил соловей

Поутру все дорожки покрыты открытыми форточками домов подземных жителей. Словно горстки мака просыпаны там и сям. Перекликаясь, в ответ на зов самолёта, своё "ку-ку", воздушный поцелуй, выпускает в свет кукушка...

Лягушка встречает и провожает поезда, как соперников, сурово выкатывая глаза и раздувая щёки резонаторов, резонно полагая, что это придаёт солидности.

Осы летают с расслабленными руками... все в лимонном соке. Ещё вялые и дружелюбные от того...

На деревьях появились листочки... Маленькие... Зелёными стоматитными язычками дразнят друг друга. Ну и всех, кто мимо...

- Простите... извините, я пройду. Аккуратненько... Со стороны кажется, что ты не в себе, ибо разговариваешь сам с собой. Ан нет!

Первые весенние хлопоты застали земляных пчёл прямо посередине тропинки. Поэтому, ходить приходится аккуратно переставляя ноги, чтобы не потревожить скромных соседей. Группа товарищей доставила свою главную даму из промёрзших глубин на поверхность. Та, предаваясь неге в полной мере, позволяет ерошить и сушить свои пышные меха под пристальным взглядом сияющей бонны... Ещё не злобной, но уже горячей.

Всё испортил соловей. С присущей ему заносчивостью, присел на пенёк, что отдыхал подле тропинки, откинул фалды концертных одежд своих... глянул одним глазом, другим в сторону не ожидающих вероломства пчёл... И спланировал в самый их хоровод. В самое сладкое...

Трудно входить после в дом, где свалившийся за зиму воздух лежит густо и вязко.

Тошно слышать сладкоголосие соловья, так споро расправившегося с мохнатым милым семейством.

Первый снег

По лесу раскиданы крупные аппетитные куски белой булки. Или то, что кажется ею.

Обглоданные первым настоящим морозом полукружия чаги с берёзовых стволов... неровные разломы сухарей лип, упавшие навзничь дубы, обнаружившие букеты корней... и первый, едва заметный глазу снегопад, который невесом и невидим, но уже жив...

Воздух местами истекает соком озона, а примятые тёплыми телами оленей гнёзда травы пахнут влажной пылью...

Подул ветер. Казалось, что берёза тряхнула поредевшими кудрями, но нет. То был первый снег.

Не торопись...

Водоросли в пруду - не просто неряшливые комки тины. Время от времени они выставляют согнутую лодочкой детскую ладошку листа. Покрутят её в разные стороны, проверят,- тепло ли, холодно ли над водой. И, разобравшись со сложностями перемещения воздушных масс, противоборстве фронтов атмосферного давления и разницей температур, быстро прячут её в относительно тёп-

лый карман пруда:

-Ну, уж - нет! Я пока подожду,- бормочет растение, тихо и спокойно укладываясь на самое дно. Взбивает мягкую перину тины и , засыпая, бормочет соседке-лягушке,- "Ты, того, не торопись наверх. Рано."

- Успеется,- соглашается та и поворачивается на другой бок...

Мишка

На самой макушке каждого лета, начинает явно проступать запах Нового Года... То ли сосны, обжаренные солнцем, элегантно и томно благоухают. То ли мы сами, уставшие уже от зноя, тянем прохладное одеяло зимы на себя... Как и всё вокруг. Со свойственным человечеству неутомым эгоизмом.

Это немного странно, но с таким удовольствием вспоминаешь, как кто-то ленивый там, наверху стряхивает снежинки со своего стола... И какие они аккуратные, строгие. Какие непрочные, ранимые сахарные и трепетные... холодные!

Миша Вахрушев рассматривает снежинки через увеличительное стекло. Он хороший парень. Спинальник. В свои 22 года так мало видел, и так много почувствовал...

Для того, чтобы задержать мгновения радости, которые находит вокруг себя, Миша пишет стихи и рисует... Он не может обхватить своими

полупрозрачными пальцами кисточку, не в состоянии даже просто поднять руку, чтобы согнать комара,но когда мама вкладывает ему в ладонь кисть или карандаш, то видно, как руку парня перехватывает кто-то крепкий и надежный, ибо линии, возникающие из-под его пера всегда ровные и четкие, словно сделанные по трафарету...

Летом мама вывозит коляску с Мишей во двор школы, что неподалёку. Под высокую берёзу. Во время перемен, ребяташки подбегают поболтать. Они нисколько не смущаются мишкиной немощи. Без панибратства задирают его,и, со свойственным мальчишкам смущением, проявляют заботу,отгоняя от лица Миши насекомых. Оберегая от пощёчин солнца, перекатывают неловкое транспортное средство поближе к стволу, подальше от зноя.

Звонок на урок и Миша остаётся один. Он вдыхает в себя чужие движения. Так жадно, как может. Насколько достаёт сил. Чтобы хватило на всю долгую пору ненастья и снега, о котором мы грустим с середины лета.

Луна

В юности мы не ведали о тёмных сторонах луны. Смотрели на месяц, и видели его сказочный профиль. Рельефные скулы и лукавую улыбку. Из ближайшего к нему облака сама собой воссоздава-

лась игривая кисточка... А что теперь?!

А теперь мы не замечаем остриженного ноготка луны на ювелирной витрине звёздочёта.

Мы отчётливо различаем чёрную, неосвещённую его часть на безнадёжно тёмном небосводе, а , вместо добродушно-весёлого коварства, изощрённая издёвка чудится нам,бедолагам, во всём его девственно-чистом облике...

И так зябко и пусто нам от того...

Бывает и так...

Уголь, он разный. Один сгорает в печи, оставляя после себя приятный запах, доброе тепло и невесомую скромную горку пепла. Другой плохо горит, дурно пахнет и понуждает чистить после себя и печь, и поддувало, и пол перед ним...

А на вид-то вроде,- уголь! И первый, и второй.

Так и люди. На первый взгляд похожи... Обычно, стараешься не обращать на себя их внимание, но, когда приходится,не утомляешь лукавством. М-да...

Ибо ,- если верно и прямо беседуешь с такими, они думают, что неспроста это. Чувствуешь себя "в праве",- значит за спиной некто...с волосатыми руками. И невдомёк им, что ты безнадёжно наивен, а в твоей груди, выполняя нелёгкий труд, бьётся честное сердце...

Идеи добра и зла витают в воздухе, кто на-

строен принять - принимает и фиксирует. Выдаёт за свои. Когда одна понятна многим - это уже не идея, это нечто большее, что связывает нацию, народ, группу людей, обживающих одну территорию планеты. Обживающих, и уничтожающих её... Сжигающих в печах своего равнодушия.

Бывает и так.

Пасха...

У нас рассвет, и розовое солнце дает обет, к обеду ускользнуть Морфею полуденному в объятия...

Белый свет... белый стих... Вследствие наличия отсутствия чувства ритма или по причине обостренности его восприятия? Кто бы знал...

Знать и понимать,- совсем не одно и то же. Знания даются для того, чтобы мы умели распознать то, что приходит с опытом. Или не даются.

Ты внимательно смотришь вокруг себя, анализируешь происходящее. Процесс жизни - самая важная ее составляющая. Затребованное количество, которое переходит однажды в качество.

Но, если ты не смог впитать в себя, что должно, чем восполнить этот бездонный пробел? Игрушками, впечатлениями, яствами... И что делать, когда ты останешься один на один с собой? Как оправдаться за рождение? Что делать, если очевидность правоты ставится под сомнение всеми, кроме того, кто сию очевидность познал?

Грустно, если представители меньшинства стремятся убедить большинство в своей нормальности. Страшно жить, игнорируя очевидность её быстротечности.

Нам кажется, что в жизни всё случайно. Но ничто так тщательно не подготовлено, как то, что получилось "само собой"...

Крыска

КРЫСЫ — род млекопитающих семейства мышей. Длина тела 8—30 см, хвост примерно такой же длины. Существует около 70 видов, преимущественно в лесах тропиков и субтропиков; некоторые (серая и черная крысы) вслед за человеком расселились очень широко. Наносят ущерб народному хозяйству. Переносчики глистных и многих инфекционных заболеваний. Лабораторные животные.

* * *

— Скажи-ка, дружок, бывает так, что ты утомлен и расстроен, и вынужден вставать, и рыться в лекарствах, чтобы найти то, что успокоит тебя, что утолит твою боль или печаль... Ведь признайся, что, проглотив пару пилюль, ты не задумываешься о том, кто и как проверил их действие на себе. Важно лишь то, что они помогут тебе продолжить свои дела...

- Ну... в общем...

- Я прав?

- Да не думаю я об этом! Проглотил, и пошёл дальше.

- Вот, в этом-то и беда, что ты не думаешь. Ты не думаешь.

Он не думает. Она не думает. Оно не думает. Никто не думает...

* * *

- Привет! Меня зовут Крыска! Кто-то говорит, что банальнее ничего невозможно было выдумать... Ну, а я так не думаю! Куда смешнее гордиться нарицательным, общим для всего нашего крысиного рода, именем Лариска, сжимая в зубах, недоеденный, хрустящий песком и добытый из помойного бака, кусочек колбасы.

А я живу свободно. Дверца моей клетки всегда открыта. Да и сама клетка существует, в общем, только лишь для моей безопасности. Чтобы не отдавили хвост или лапы во время уборки! К тому же, работающий пылесос - опасная забава. Черная дыра крысиного мира! Мне удалось, однажды, испытать на себе ее неумолимую притягательную силу. Развлечение на для слабых, прямо скажем.

Приятно испытывать упругость диванных пружин, соскакивая со спинки вниз. Интересно прятаться под подушкой, а еще интереснее тащить её на своей спине, притворяясь диковинной мягкопанцирной черепахой. Я люблю дремать на плече одного из домочадцев, когда он сидит у компьютера и увлеченно отстреливает 3D-образы, скопиро-

ванных из параллельного мира, монстров. А вот, когда он занят чтением или общается с приятелями, которых знает лишь под взятыми напрокат виртуальными кличками, это становится забавным, и так захватывает, что дремоту снимает, как по мановению волшебной палочки.

Мы придумываем вместе такие проказы..! И если, вдруг, мой милый друг грызет свой, и без того недлинный ноготь, я яростно тру зубами о зубы, чтобы дать ему понять, что мне тоже не все равно. И в минуты нежности, о которых никто не должен, в общем-то подозревать, мы соприкасаемся носами, или сопим друг другу в ушко. Я громко пыхчу в его красивую упругую раковину, а он аккуратно выдыхает в мой податливый полупрозрачный лепесток.

Конечно, наши силы не равны. Но в каких единицах измерить силу трепета, мощностъ притяжения меж нами? Кто скажет?.. На каждую крысу, балансирующую по перилам лестницы жилого дома, всегда найдется свой эпидемиолог с дозой крысиного яда, умело замаскированным под угощение.

На крысу, слоняющуюся подле мусорной свалки, вполне хватит объедков, и ее живот нечасто бывает пуст... Только редко кто остановится побеседовать с нею «об умном». А ведь мы, крысы, внимательны, понятливы и любим все прекрасное. Пейзажи, классическую музыку, красивых...

душевно красивых индивидуумов. И нам совсем не важно, к какому роду-племени относится тот, кто нас привлек. Нам претят разного рода классификации по признаку принадлежности к определенному классу, виду или роду. Крысы... Вы только прислушайтесь! Кры-сы... Крыса - краса... Скажете, не однокоренное слово? Не звучит? Не похоже?! И похоже звучит, и похоже... А вы говорите «крысы»!

М-да... Риторика - мой конек. Заговорю кого угодно!

В моей жизни происходит масса интересных вещей, о которых мне не с кем посплетничать, кроме тебя, дорогой мой аноним. Однажды раскачавшись в гамаке тройного «дабл-ю», трудно и я бы даже сказала, - практически невозможно отказаться от возможности выплеснуть помой своего сознания в лицо собеседнику, и не получить реальную пощечину в ответ!!! Но... надо же научиться себя сдерживать, в конце-то концов! Не так ли!? Я ведь понимаю, как непросто тебе, связанному социальными паутинами вездесущего и всезнающего Интернета, вырваться из мифов и заблуждений, навязанных и сформированных такими же как и ты, двуногими. В угоду себе, любимым.

Но я попытаюсь, все же, привлечь твоё внимание. Или отвлечь! Хоть ненадолго.

Ты удивлен, что невзрачное и презираемое тобой существо научилось выходить в Интернет и

знает, что такое «www»? Ха! То ли еще вытворяют «питомцы», оставаясь один на один с вещами и гаджетами своего «хозяина»! Я знаю одну собаку, которая в отсутствие... Ну, впрочем, я чересчур отвлеклась.

Итак... День первый. За 12 часов до того, как я появилась на свет.

Мои родители, бабушки и дедушки, - все они были весьма начитанными, интеллигентными. Как говаривали в старину, - не чуждыми образованию. Близость к миру просвещения, нашей семье далась весьма непросто. Из поколения в поколение, мои прадеды, тетки, дяди и прочие родственники, погибали на алтаре науки во время различных экспериментов и опытов. На них испытывали действие ядов и лекарственных препаратов, их использовали в качестве лабораторных животных и «живого материала», для отработки навыков забора крови и вивисекции в чистом виде.

Студенты и студентки выхватывали представителей нашего многострадального семейства из круглой металлической коробки со страшной и явно немецкой фамилией Бюкс, и не дрогнувшей рукой приносили их в жертву своим дипломным, курсовым и прочим околонучным работам.

Если обсуждать парней, студентов, то они еще так - сяк, к ним у нашей семьи претензий меньше всего. Они, как правило, нерадивы, но не жестокосердны, а если и принимались терзать тела

моих несчастных предков, то делали это быстро, решительно и безболезненно... Но вот студентки... студенточки, верещающие при одном лишь виде иглы, направленной в их сторону, - те не напрягали свои узкие лбы, чтобы понять, что в их руках не муляж, а чужое живое тело. По-крайней мере, так говорила моя мама...

Она видела, как ушли в лучший крысиный мир ее родители. Дедушка погиб от рук одной тщедушной золотушной студентки, чьи наманикюренные когти были покрыты нарочито - беспомощным перламутром. Эта стерва явно не читала учебник, и дедушка испустил дух прежде, чем она нашла то, единственно правильное место, в которое надо было вонзить стальное жало шприца. Игла должна входить быстро, пронзая кожу, но девица не торопилась, а раз за разом, не спеша вдавливала иголку в розовую кожицу, дожидалась едва слышного треска лопающегося эпидермиса, и сладострастно ухмылялась... Бабушке «повезло» больше. Она едва успела взглянуть на свою обожаемую дочурку - мою маму, чтобы подбодрить, и напомнить о Первом правиле Старой мудрой лабораторной крысы «Не высовываться!», как два желтых прокуренных пальца обхватили ее за талию... и... Про то, что случилось дальше, мама не вспоминала никогда. Говорит, что не помнит. Но я думаю, - не хочет травмировать мою детскую психику.

В тот знаменательный, памятный для нашей семьи зимний вечер, студентов было гораздо больше, чем обычно, и к началу первой пары, биоматериала, - так называют нас, обреченных на бессмысленную гибель в учебных заведениях, осталось совсем немного. Моя мама и две черно-коричневые лягушки. Они жались друг к другу, устав бояться и уже ни на что не рассчитывая. Просто сидели и покорно ждали своей очереди на расправу. Впрочем, была еще слабая надежда на то, что поток студентов уже иссяк, и их троицу вернут в виварий*, как нелогично называется помещение, в котором выращивают, кормят и готовят к казни мышей, крыс, лягушек, и собак. Мама уже начала было приходить в себя, несмело осматривалась, и пыталась пригладить слипшуюся от лягушачьей слизи голубую шерстку... Как вдруг... Дверь отворительно скрипнула в своем неумолимом зевке, и в лабораторную комнату вошла еще одна студентка...

«Довольно крупный экземпляр», - прошептала одна лягушка другой, и шумно сглотнула. «Не-ет!!!» - решительно воскликнула мама. - «Я не хочу умирать в когтях этой толстой дуры! И найду способ выскочить из ...»

Мама подпрыгнула из последних сил, но блестящая поверхность педантичного прощелыги Бюкса была скользкой, как подтаявший лед... Тоненький прозрачный коготок зацепился за край

равнодушной жестокосердной жестянки... и мягкий округлый животик влажно шлепнулся на уже тусклые обветренные спины приклеившихся друг к другу лягушек. Над Бюксом нависла тень... мама затаила дыхание и теснее прижалась к окаменевшим от ужаса земноводным...

Описанием последующих приключений, мама часто обескураживала соседок... Те охали и ахали, по-мышинному неприлично пищали и взбивали воздух венчиками своих седых усов... А мама, блестя глазами, любила повторять: «Ну, кто бы мог подумать!... Ну, кто бы мог вообразить!» - добавляла она, - «что эта человеческая особь окажется столь милосердной и сердобольной!»

- Правда - правда. Это так противно человеческой природе... , - поддакивали маме соседки.

Под гнетом нависшей над Бюксом тени, и от черного смертельного страха, неизменно сопровождавшего ей, мама упала в обморок. А очнувшись она от того, что...

День первый подходит к концу. За 8 часов до того, как я появилась на свет...

Мама очнулась от того, что ее розовый, почти квадратный нос с размаху вляпался в какой-то кисель.

- Пси! - скромно чихнула мама ...и вдруг вспомнила, что с нею произошло.

- Где я?

= Где-где... - ворчание напоминало неспешное

бульканье чего-то вязкого, - В Ка...

- Знаю-знаю, - прошептала Мама, - папа очень любил эту

шутку про Караганду... Капли ее глаз стали быстро увеличиваться в размерах, потом вдруг лопнули и потекли вниз. Пощечины, с двух сторон одновременно, привели ее в чувство...

- ...?

- Виноват, - пробулькало справа...

- И я прошу прощения, - раздалось слева, - не удержался... автоматически!

- Угу... Мы - лягушки, и глотаем все, что движется, а капли слёз на твоих глазах выглядели так аппетитно и выскочили так неожиданно ... - Мы больше не бу-у-удем! - хором забулькали два товарища по несчастью...

- Ладно-ладно... чего уж... - засуетилась мама и повторила свой вопрос, - Где мы... сейчас?!

- У какого-то Дворца, в какой-то тряпке, а если быть совсем точным, то в кармане... Эта толстуха выгребла нас всех из коробки, завернула в платок, и выскочила из аудитории.. Преподаватель бежал за нею, и громко кричал, требовал вернуть лабораторных животных на место. Студентка не оставалась в долгу, и орала в ответ. Говорила, что сумеет распорядиться нами лучше, чем кто бы то ни было. Надеюсь, она нас не съест...

- Мне плохо... - мамино тело обмякло, а потом она почувствовала как ее тянет куда-то вниз, абсолют-

но без ее участия... и опять провалилась. Но на сей раз не в бездонную щель обморока, а в дыру, которой не могло не быть в кармане его взбалмошной и непутевой владелицы...

- Куда?! - мама почти была уверена, что знает, из чьих уст вылетел сей вопрос. Не веря самой себе, совершенно не рассчитывая на такое везение, мама крепко зажмурила глаза, и услышала вновь - Да куда же ты ползёшь!? - слушала, узнавала и боялась ошибиться, так как голос, явно принадлежал Светке, толстой студентке-третьекурснице, которая часто приходила к ним в виварий, чтобы покормить собак. Светка была какой-то странной. Она жалела собак и улыбалась им, а проходя мимо клеток, где жили крыски, у нее становилось такое странное выражение лица, что мамина мама обычно прятала голову дочери себе под мышку, чтобы та не пугалась, и не пищала потом во сне.

- Ну, куда ты полезла, дурища?! Замерзнешь! Февраль на дворе! А... да тут дырка...

Светка придержала мамино слабое тельце через ткань, и извлекла ее на свет:

- Ну, что? Испугалась?!

Мама открыла глаза и зажмурилась от теплого ласкового света, исходявшего из глаз девушки... Светка гладила пальцем маму по голове, и мама прикрывала глаза всякий раз, когда палец приближался к ее носу, и замирала, чувствуя как бережно проминается шерстка по всей длине от носа до за-

тылка... волосок за волоском... Даже ушки! Прозрачные ушки, словно маленькие тонкие кусочки ветчины, стали мягкими и податливыми, и шевелились в такт прикосновениям этой странной самки человека. Мама расслабилась...неожиданно для себя зевнула, и так же внезапно провалилась... в который уже раз за день! - в совершенно безопасный, покрытый мягким мхом воспоминаний короткого безмятежного детства, колодец сновидений.

До моего рождения осталось четыре часа.

- Гм, странно...

Мама проснулась сразу после этого светкиного гмыканья. Она слышала этот звук и раньше. Обычно Светка надрывала глотку, когда студенты уродовали очередную собаку, выводя слюнной проток на поверхность щеки. Иногда фистула, - таким веселым словом нарекли неестественную дыру в теле, - выделяла по каплям едкий желтоватый сок желудка в пробирку, висевшую прямо на самом боку. Собаки звонили в свои невидимые колокола, виляя хвостами,и теряли жизненные соки на виду у всех... Охотников ремонтировать собачьи тела обычно не находилось. Вытирать за ними пахучие капли было лень, да и «пятерок “ за это не ставили... Так что, — когда очередной Джек не приходил к Светке за нехитрым столовским деликатесом, она гмыкала, пытаясь проглотить жесткий кусок сиротского воздуха вивария, а оставшиеся в живых собаки, молча приваливались к ней

здоровыми боками, пытаюсь спрятаться от своей горемычной судьбы.

Обычно собаки любят смотреть в глаза человеку. Они лежат на месте и ждут случая порадоваться тому, что у них есть хозяин. Человек, который их любит, воспитывает, балует. Всё перечисленное никаким боком было не прислонить к израненным телам этих бедолаг. Поэтому, если кто из двуногих пытался заглянуть им в глаза, обиженно лаяли... и поворачивались спиной... Светка была единственной, с кем четвероногие инвалиды обменивались взглядами... И неизвестно - чей взгляд был горше: того, кто просил помощи, или того, кто не в состоянии был ее дать...

Когда моя мама проснулась, то с удивлением обнаружила, что всё ещё лежит в шершавой от мозолей, но очень гостеприимной светкиной ладони. Голова в расщелине между большим и указательным пальцем, а хвост аккуратно расправлен, и обогрет симпатичным, чуть кривоватым мизинцем.

Светка гмыкнула ещё раз, и нагнув к маме голову прошептала: «Странно, говорю! Мне кажется или я права, что ты, Подруга, в интересном положении!»

Мама медленно подняла голову, и, потянувшись, аккуратно дотронулась своим носом до Светкиного. «Ясно!» - улыбнулась Светка! - «Так и запишем!»

- Ну... есть ты, наверное, сейчас не захочешь, -

продолжила беседу Светка. - А попить? Мама понюхала свою лапку, лизнула её, а заодно, как бы случайно, и миллиметр Светкиной ладошки... и кротко глянула на самку Номо сомис (Человека дружелюбного), - именно к этому отряду мама причислила свою спасительницу.

- Всё с вами ясно, сударыня! И попить, и поесть! Вас непросто прокормить... Да шучу-шучу-у-у! - Светка заметила испуганный взгляд мамы, чмокнула ее между глаз, и поспешила успокоить, - Не переживай! Ты маленькая, а я, честно говоря, люблю поесть, и кусочек для тебя всегда найдётся.

- Погоди-ка... - Светка пошарила у себя по карманам, где насобираала довольно приличную горсть восхитительных разномастных крошек, - а потом ещё твердят «Вытряхни все из карманов, вытряхни»... - бормотала девушка, - Если бы я их вытряхнула, то и угостить тебя сейчас было бы нечем! - Внимательно присмотревшись, она сдула пару пылинок, и протянула угощение маме.

Вы когда-нибудь видели, как едят крысы? Как они умываются перед едой, непременно - после. Как аккуратно доедают всё до последнего кусочка, и как прячут «на потом», если уже сыты. Не видели? Да... Многим и многим людям не мешало бы поучиться этикету у тех, кого они считают «мерзкими» и «вонючими»...

Мама нацелилась на ту крошку, са-амую маленькую, что оказалась ближе всего к ее носу, но

строго одернула сама себя: «Что сказала бы моя мама, заметив, что я приступаю к трапезе распу-
стёхой,и даже не помыв ладоней! Ведь я из при-
личной семьи!»

Светка, решив, что Крыска застеснялась, по-
додвинула самую крупную крошку еще ближе:

- Не стесняйся, малышка. Прости, что предлагаю
столь незатейливое блюдо. Позже сообразим что-
нибудь попрincipнее, а это так, на перекус. И не
бойся, я не собираюсь тебя обижать! Кушай спо-
койно!

Крыска одобрительно посмотрела на свою
спасительницу, понюхала теплый влажный воздух,
вылетающий изо ее рта вместе со словами, и, на-
сколько могла степенно, принялась приводить себя
в порядок. Пару раз лизнув свою ладошку, Крыска
зажмурила левый глаз,и протерла лицо слева. То
же самое она проделала справа, расчесала чубчик,
пригладила мех на животе и боках. Быстро и акку-
ратно вычистила себя с головы до ног, и, шмыгнув
носом, взглянула на Светку:

- Теперь можно?

- Да ешь уже! - рассмеялась та.

Крыска потянулась было, чтобы взять кусо-
чек хлебца в рот, но потом передумала, и ухватила
его левой ладошкой, а правой рукой отломила не-
много и стала есть.

- Ну, какая же ты аккуратная девочка! - воскликну-
ла Светка,и запихнула крысе очередную крошку

прямо в рот. Малышка чуть не поперхнулась, но сдержалась, и лишь позволила себе скромно чихнуть.

- Прости! Я - балда! Ешь-ка сама, а то у меня сердце кровью обливается, глядя на тебя.

Умывшись после еды, сбегав в туалет, прямо на приготовленную для этих целей салфетку, Крыска в нерешительности огляделась по сторонам, а потом, вдруг, обхватила голову руками и без сил уронила её на свои плоскостопые ноги.

-Эге-гей! Ты чего?! Не грусти! Устала, маленькая. Тэк-с... девочки поели, и решили, что? Что им пора баиньки! Пойдем-ка, навестим Морфея, а то он, бедняжка, сидит на кровати совсем один - зевнула Светлана, и бережно подхватив утомленную беглянку, пошла спать.

Громкий вопль Светкиной матери рассек полупрозрачную кисею раннего утра. Впрочем это было похоже, скорее не вопль, а на попытку взять верхнее «до» пятой октавы. Практически ультразвук!

- А-а-а-а-а! Что это?!!!!!!!!!!!!!!!

Светка распахнула глаза, и тут же вскочила.

- Не кричи, испугаешь! Где крыса? Крыска, где ты?!

Крыска была тут, на подушке. И не одна. Возле нее лежало пять розовых тел, пять пупсов, каждый размером с некрупный боб. Полупрозрач-

ная кожа крысят не давала волю воображению. Все было на виду. Заросшие глаза, мармеладные хвосты, игрушечные ступни... Ну, прямо как гуттаперчевые поросята! Упитанные ушастые червячки на ножках! Новорожденные славно потрудились, выбираясь на свет, и теперь отдыхали.

Крыска жалостливо и смущенно смотрела на Светку. Минувя несколько мгновений сиротства, она так скоро превратилась из дочки в маму, что совершенно не представляла, - что с нею будет дальше. И, самое главное, - что теперь будет с ее детьми. Если бы Крыска осталась в виварии, то ее собственная жизнь, и судьба ее детей была бы предпрешена. Но сейчас? Что будет с ними теперь?!

В душе новоиспеченной матери было столько страха за малышей, что они тут же заволновались, завозились, и начали неуклюже, но настойчиво перебирать худенький опавший живот Крыски в поисках молока и успокоения.

- Так, во-первых, моя дорогая, ты не волнуйся, тебе вредно. Во-вторых, тебе срочно надо поесть и попить. После таких потрясений, нам еще не хватало, чтобы у тебя пропало молоко. Кстати, оно у тебя есть? - с тревогой поинтересовалась Светка.

Молчаливое сосредоточенное, едва слышное чавканье было ей ответом. Один из малышей медленно, как сытая пиявка, отвалился от матери, и на его игрушечной физиономии выступила матовая

капля.

- Не знаю, какого цвета молоко у крыс, но точно не зеленое. А у вас, мадам, не молоко, а вода какая-то. Не в курсе, чем лечится подобное недомогание?

- А ты дай ей немного сгущенки... - подала, вдруг, голос мать Светки, и добавила, - Но учти, никаких крыс в доме я не потерплю!!! В любом количестве!

Сгущенку Светка очень любила. Ей нравилось наливать некогда дефицитный молочный сироп в маленькую хрустальную мисочку для варенья, и есть его кофейной мельхиоровой ложечкой, медлен-но - медленно!.. Кусок торта или пирожное целые и красивые только в первую секунду. Потом они превращаются в неаппетитных уродцев. А вот кремовая глянцевая поверхность сгущенки кажется нетронутой почти до самого конца. Лишь только когда остаются две-три последние ложечки, и тонкая сладкая пленка едва покрывает доньшко вазочки, пытаюсь замаскировать нанесенный ей урон, становится понятно, насколько призрачна бесконечность... В глазах Светки стало грустно и сладко. Крыска беспокойно оглядела свое, едва ли насытившееся, семейство, и так же тревожно глянула на девушку.

- Не смотри на меня так! Мне абсолютно не жалко для тебя этой дурацкой сгущенки! Прокормим мы твой коллектив! Ты им мордахи-то только умой, а

то - вон какие они у тебя чумазые!

Пока Крыска умывала и причесывала своих ребят, Светлана отыскала фарфоровую чашку из детского чайного сервиза, и щедрой рукой смешала столовую ложку сгущенки с тремя чайными ложками кипяченой воды. Мать, наблюдавшая за действиями дочери, недовольно воскликнула:

- Нет, ну, надо же! Вы только посмотрите, что она делает! Ты еще эту гадость чаем с вареньем поить станешь!?

- О! - точно! Вспомнила! Стимулируем лактацию... - по-профессорски гундосила Светка, подливая в сгущенку каплю свежезаваренного чая.

- Цейлонский! - всплеснула руками мать.

- Со слоном! - в тон ей ответила Светка, и пошла поить крысу.

Мама рассказывала, как ей было тогда сладко и приятно пить сгущенное молоко с чаем из красивой чашечки. Округлые полные фарфоровые края приятно давили на грудь, а тепло и сытость обволакивали, давая надежду на уют, покой и защиту.

В комнату тихо вошла мать Светланы.

- Слышишь, вот, смотри, подойдет? - она протянула небольшую клетку с пластмассовым полом.

- Ух ты! Откуда дровишки?!

- В шкафу лежала. От хомяка осталась.

- Здорово! Спасибо тебе большое!

- Пожалуйста! Но... - помедлила мать, - чтобы больше никаких сюрпризов!
- Нет, что ты! Конечно! Это - так, спонтанно... стало их так жалко, их как овец привели, на заклатие. И непонятно, ради чего, - начала было оправдываться Света, как вдруг из ванной, во всю мочь заквакали голодные лягушки.

- !? - мать не смогла вымолвить ни слова от изумления, а дочь просто пожала плечами.

Провозившись полночи с крысой, Светка совершенно забыла о земноводных. Положила их тихонько в тазик под ванной, и забыла!

- У-о-о-а! У-о-куа! Ку-а-а! Уа-а-а! - высокий потолок ванной комнаты давал простор лягушачьему зову, - У-о-куа! Ку-а-а!

- Что-о?! Ну, что же это такое, а?!!

- Мам, ты только не кричи! Это лягушки.

- Что?! Лягушки? Сколько их?! Сорок?!

- Ну, почему сразу «сорок»? «Сразу сорок» бывает только сорок! А лягушек мало... Их всего две...

- Ты издеваешься надо мной? Мы теперь будем жить, как на болоте?!

- Да нет, мам... Ну почему, сразу - «как на болоте»? Они хорошие!

- Хорошие! Ага, как же! Их ты чем будешь кормить!? Мы все скоро покроемся коростой бородавок и разведем в коридоре стаю мух, только чтобы твоему несметному стаду жаб и крыс было чем питаться?!!!

- Мам, ну их всего-то две! И не жабы они, а лягушки...

- Ага!... Какая нам теперь-то разница! - мать даже не пыталась прикрыть свой сарказм.

- Ой, мамочки, а ведь и вправду... Как я их буду кормить? Они же не могут есть из миски. Они едят только то, что движется. Кузнечиков, тараканов... можно...

- У нас нет тараканов! - закричала мать. - И кузнечики, слава Богу, не прыгают в суп с подоконника. И мне абсолютно до лампочки, чем, когда и как ты будешь кормить всех этих уродцев. На меня не рассчитывать. Разведут тут грязь, а мне потом убирай за всеми!

Насчет мух мать была почти права. В пору Светкиного увлечения божьими коровками, по квартире ходили, ползали и летали оранжевые, желтые и белесые представители отряда жесткокрылых.

-Две, семь, четырнадцать... - девушка бродила по комнате, подсчитывая точки на спинках красивых жуков. Подкармливая их сахарным сиропом,ставляла блюдца по подоконникам и шкафам, и очень расстраивалась, если из-под ног кого-либо из домочадцев раздавался хруст поломанных крыльев очередной леди**, случайно оказавшейся на полу.

- Эх! Ну, что же вы... так неосторожно! Смотреть же надо под ноги, когда ходите!

- Ну ведь не по улице же ходим! По собственному дому! - возмущались в ответ родители, с опаской везя подошву домашней обуви по полу, становясь похожими на начинающих лыжников, практикующих отработку скользящего шага в межсезонье.

В известную пору часть божьих коровок вылетело в форточку; часть, пережив легкий обморок, перезимовала между рамами; оставшееся поголовье столовалось в квартире всю осень и зиму, сплетничая и толкаясь, подле озера приторно-сладкого чая, предусмотрительно оставленного в мелкой (чтобы не захлебнулись!) тарелке на столе.

Ранней весной, из распахнутой форточки вылетела стайка красивых сытых жуков. Пьянчуга, разложивший свою газетку - самобранку на низком подоконнике светкиной комнаты со стороны улицы, позорно бежал, ухватив початую бутылку «белой». Ему во след празднично аплодировало гудение многих крыл. И газетка, и позабытый нетрезвым мужичком плавленный сырок «Дружба», - все покрылось яркими горошинами. И, как только прозрачный весенний ветерок поднял запах юной, еще совсем зеленой травы... завернув его в край газетного листа, - божьи коровки взлетели, и, не оглядываясь, направились в те места, которые им снились в теплом пыльном доме по ночам...

Но... лягушки! Что же они?!

Светка заперла Крыску с малышами в клетке, наспех успокоила новоиспеченную мамочку,

объяснив, что заточение вынужденное, эпизодическое, а не окончательное, и отправилась в ванную.

Лягушки были в относительном порядке. Сумрак и влажная атмосфера ванной комнаты оказались им по нраву. Зеленый пластмассовый тазик, как диковинный лист, давал приют, и относительную защиту. Пауки занимались воздушной гимнастикой высоко под потолком, и не вмешивались в жизнь тех, кто не умеет парить над тщеславием. Юркие мокрицы оказались достаточно трусливыми, чтобы не казаться назойливыми и вполне могли бы считаться сносными соседями, если бы не кичились своим дальним родством с ископаемыми трилобитами.

-Так-так... И как мы проживаем? - Светка включила в ванной свет, и с облегчением обнаружила, что влажные квартиранты не буйствуют взаперти, и даже почти довольны уединением и прохладой, а также пространством, которое формирует из любого, самого небрежного кваканья, такие арии, что любая из свободно живущих лягушек могла бы им позавидовать.

Светка застала скользкую парочку врасплох. Практически на полуслове. На полу-кваке, если обсуждать ситуацию подробно. Парень не успел еще спрятать свои резонаторы, но поспешно выпустил их, смутившись на свету.

- Сдулся! - расхохоталась Светка, - Как спелый гриб - дождевик! Куда вы спрятали ваши споры!?

Отвечайте и не спорьте! - продолжала хохмить толстушка, - Какой вы, однако... важный кавалер! А подружка-то у вас... Глазастая, рот до... до того места, где обычно торчат уши... Славно! Тоже заведете тут у меня под ванной деток? Головастых головастика! Вот мои-то обрадуются! Хи-хи!

По углам пауки, в ванной пиявки...пардон, - головастики... мечта Дуремара! Конечно, сомнительно, чтобы вы стали этим заниматься зимней порой, но в хороших условиях... Никогда не видела крошечных лягушечек! Маленьких встречала в траве у реки, но, чтобы крошек, с настоящими пучеглазыми лицами, и всамделишными фирменными улыбками!?

Как не странно, лягушкам было интересно слышать Светку. Они выказывали ей свое явное расположение. Перемещаясь мелкими прыжками, довольно скоро лягушки очутились у её ног. Девчушка-лягушка запрыгнула прямо на ступню, словно на болотную кочку, а мальчику места не хватило, и он устроился подле...

- Вот тебе раз... - только и смогла вымолвить Светка... - Допрыгались. Дотронулись. Растрогали!

День за днём, отстраненная от солнца щека колобка земли посыпалась сахарной пудрой снега из пригоршни туч. А день в квартире, где спала Светка, начинался с того, что ровно в пять утра, из ванной комнаты раздавалось оглушительное в

своей нелепости, весеннее кваканье двух лягух, спасенных из лап будущих учителей биологии и химии.

- Ну, вот... опять! Да когда же это, наконец, закончится, а?! - ворчала мать. - Никакого покоя, не днём, ни ночью.

- Почему? - сонно возражала Светлана, - они вовремя ложатся.

- Они-то вовремя, а ты шатаешься неизвестно где по ночам.

После нескольких неудачных попыток накормить лягушек из блюда, Светка нашла свой, интересный и доселе никем не испытанный способ кормления земноводных. Поначалу, конечно, она пыталась помочь своим питомцам нагулять аппетит до такой степени, чтобы они наплевали на выработанные веками привычки, и смогли питаться тем, что не в состоянии двигаться самостоятельно. Она устраивала лягушкам заплывы в ванной, и забеги по полу длинного коридора. Лягушки послушно и с увлечением плавали, изредка устраивая себе отдых на опущенной в воду руке Светланы. Не сопротивлялись и пробежкам по коридору. Впрочем, собственно кабинетный спринт захватил одного лишь парня. Он весело подбрасывал своё тело повыше, чтобы смачно плюхнуться о половицы, и азартно квакал, изображая рубаху-парня, удалого молодца. Девица в это время устраивалась на плече у Светланы, и, в виду полного отсутствия

подвижности в шейном отделе позвоночника, следила за выкрутасами своего кавалера, степенно перебирая лапами на одном месте.

Но, упражнения упражнениями, а через месяц стало понятно, - надо искать способ оживить доступные в зимнее время продукты. Иначе, лягушкам не выжить.

Для начала, Светка пыталась быстро трясти кусочком чего-либо съестного перед лицом лягушек. Они внимательно смотрели на руку, и даже понимали, чего от них хотят, но справиться с собою не могли никак. Ну, как «укусить» руку, оградившую тебя от беды? И это при страстном желании пожевать, хоть что-нибудь, в конце-то концов!

Промучившись пару дней, Светлана, наконец, сообразила, как реанимировать давно скончавшиеся продукты, и обезопасить руку. Десять сантиметров хлопчатобумажной нити и проблемы как не бывало! Небольшой кусочек еды слегка сминался в маленький комок, пристраивался прямо к концу нитки. После чего ниткой, словно удочкой, надо было слегка потрясти перед носом лягушки. И язык молниеносно хватывал все, что было предложено! В качестве завтрака, полдника или обеда могло быть теперь использовано буквально всё! Творог и сыр, мясо и морковь, картошка и рыба, - лягушки отважно дегустировали меню, отличившись не только отменным аппетитом, но и прекрасным пищеварением.

За те три года, что лягушки прожили в доме Светки, они узнали толк в «Докторской» колбасе и макаронах с сыром, а мух, случайно залетевших в ванную, лопали из спортивного интереса, или на спор.

Как бы там ни было, но не все же лягушкам квакать в ванной поутру. И когда, вместо привычного «У-о-а! Ку-а!» в квартире зазвенел будильник, стало немного грустно. Не подумайте ничего плохого. Просто Светка вместе с родителями переехала в новые апартаменты, с ванной в три раза меньше прежней. И лягушек пришлось выпустить в пруд неподалёку. Они, безусловно, были очень рады переезду на природу, но мать постоянно твердила о том, что со дня на день стоит ожидать звонка в дверь. Дескать, «наши» лягушки расскажут прудовым, как им жилось у людей, и приведут всех в гости...

М-да... Ох уж эти лягушки! С присущей им привычкой громко вещать о своих достоинствах и тянуть одеяло всеобщего внимания на себя, они увели наше повествование в те, не страдающие от обезвоживания места, где комары поют противные нашему уху песни своим миролюбивым мальчишкам, и нудным агрессивным девочкам. Где мухи... ап!

- Ой! Крыска! Не ешь эту гадость! - Светка успела почти вовремя. То есть, Крыска успела-таки отправить себе в рот последний кусочек этого порхаю-

щего безобразия, но было заметно, как тонкая аристократичная рука Крыски, со слегка отставленным, но идеально ровным мизинцем, слегка дрожит от негодования к самой себе.

- Крыска! Теперь придется давать тебе глистогонное. — горестно вздохнула Светлана. - Запомни, зверь, есть мух, с твоим-то воспитанием и манерами, это не комильфо. Компарнэ?

Крыска вздохнула, оглядела своих детей... И Светке стало понятно, отчего приключилась такая неразборчивость в еде. Малышей было много. Малыши хотели кушать. Молока было мало.

- Итак! У моей мамы родилось пять девочек. Четыре белых и одна - голубая. Одна из них, - это, собственно, я! Ну, вы об этом и сами, наверняка, догадались!

Всему свету известно, что воспитанный человек не тот, который не выйдет к столу с нечищеными зубами, а тот, кто научит тому же самому своих детей. Едва заслышав первое «Ква!», доносившееся из ванной, моя мама вела нас пятерых к поилке, прикрученной в самом углу клетки. Начиналась подготовка ко сну. Дело в том, что крысы - животные сумеречные, и все хлопоты по хозяйству ведутся именно в темноте. Нам, крысам, так привычнее! Поэтому мы ложились спать утром, и просыпались обычно к вечеру.

Стоя у поилки, мама показывала, как поддерживать чистоту своего тела.

- Детки! - объясняла мама, - нас и без того незаслуженно считают грязнулями. А потому мы должны всей своей жизнью, всем своим поведением и манерами убеждать в обратном. Делайте как я! - призывала нас мама, и подставляя одну ладошку под кран поилки, второй начинала вращать металлический шарик, преграждающий путь воде.

- Вечерний туалет начинаем с мытья рук. Грязными лапками тереть себя не имеет абсолютно никакого смысла! Так...молодцы... не толпитесь! Подходите к воде по очереди.

Если кто-то из нас не выдерживал, и игнорировал очередность, мама аккуратно хватала зубами за холку, и относила в самый конец нашей небольшой толпы:

- Нахальство - фундамент сиюминутной удачи, настоящий успех скромен и уступчив. - увещевала она свое, пищущее от недовольства, чадо. - Доброжелательность - мера всего, запомни, девочка моя...

Вот эту самую фразу про доброжелательность, мы слышали от мамы не один раз. Случалось, что манеры, привитые нам нашей мамой, выручали в самых трудных и опасных ситуациях. А в великой силе Добра, мы смогли убедиться еще в раннем детстве, и опять же, на мамином примере.

Однажды к Светлане, нашей спасительнице, пришел гость. И привел с собой собаку. Настоящего крысолова, бультерьера. Мы, как всегда, бегали

по дивану, играя в прятки, и не заметили, как огромная морда собаки очутилась рядом с нашей мамой, которая мирно дремала у края, контролируя, чтобы в разгар беготни никто из нас не упал на пол. Так вот, в ту секунду, когда бультерьер уже был готов схватить нашу маму зубами, она привстала на ноги, обхватила нос собаки руками, и несколько раз, быстро-быстро лизнула его.

Страшный бультерьер, чьи титулованные предки из поколения в поколение славились умением уничтожать нам подобных, был не просто обескуражен, но обезоружен маминым пассажем. Пес присел, помотал головой, склонил ее на бок, чтобы рассмотреть получше того, кто сделал с ним ЭТО... И шумно вздохнул.

Ну, что же. Переоценка ценностей важна и возможна в любом возрасте, практически у любого из нас.

Кстати, мама была всегда очень внимательна не только к нам, своим детям. Она всегда выбегала навстречу Светлане, забиралась к ней на плечо, что-то шептала в ухо, заглядывала в глаза. Однажды девушка пришла домой грустной- грустной, стребла всех нас на руки...

Обычно мы шалили и разбегались кто куда, а в тот раз так явно почувствовали боль и бездонную пропасть горечи человека. Мы, не сговариваясь, собрались вместе и устроились прямо на груди Светланы, стараясь разделить на всех нас то не-

хорошее, что угнетало её одну... И мы почувствовали, как камень страдания делается мягче, и мягче... как он уменьшается... и тает, вытекая из глаз девушки слезами... Мы тут же кинулись слизывать соленые капли со щек, и устроили свалку... и все забылось вскоре. Забылось и исчезло все, кроме ощущения родства, близости и единства между нами...

* * *

Привет! Меня зовут Крыска! Ах, да... Прошу прощения. Я уже называла себя. В самом начале повествования. Мне пришлось записать грустную и, одновременно, счастливую историю нашей семьи, потому что обещала маме сделать это. Для чего? Чтобы призыв не становиться беспамятным и неблагодарным распространялся не только на трагические результаты военных стычек людей между собой.

Что делают люди? Землю. А теряют жизни. Не жалея самих себя, им недосуг заботиться и о других. О тех, кто непохож на них внешне, но наделен сердцем и душой. Но разве это правильно? Разве это справедливо?

Кстати говоря, крыски живут-то, в общем, не так долго, чтобы быть бременем для тех, кто решится их приютить. Три года, редко - немногим больше. Так гуманно ли лишать их, и без того очень короткой, жизни?

* Помещение для содержания (иногда и разведения) преимущественно лабораторных животных (vivarium, от лат. vivus — «живой»).

** В англоязычных странах божью коровку называют Ladybird, Ladybug или Lady Beetle. Объединяющее эти названия слово «Lady» подразумевает Деву Марию, соответственно Божья Коровка в католических странах считается насекомым Божьей Матери (ср. нем. Marienkafer, исп. mariquita).

Отрывок из повести «Последний тест доброты»

*Не люблю глупых,
но умные, подчас, так жестоки*

Ёж

Однажды, дождливым летним вечером, промокший насквозь отец, разворачивая свернутый кульком плащ, который держал в руках, весело продекламировал:

Всем знаком колючий ёжик:

Носик, хвост, две пары ножек.

Ест - мышей, а фрукты - носит.

В шар свернётся - сразу сбросит!

Ёжик! Брось-ка ты сердиться!

Всех бояться - не родиться!

Еж, которого принес отец, казался довольно доброжелательным, но более всего - равнодуш-

ным. Ему было все равно, где шуршать иглами своей пепельной шубы. Малыш так активно и любознательно вертел своим мокрым пяточком, что казалось, - еще пара мгновений, и он или чихнет, или расхохочется. Но смеяться вслух не решался, вполне вероятно, что стеснялся, и потому хихикал над своими похитителями втихомолку, наедине с собой. Во всем остальном, еж не совершал ничего противоестественного. Несмотря на отсутствие запаха испуганных мышей, шалостей дождевых червей, что дразнят розовыми языками своих хвостов, ускользя в почве у самого носа, ёжик поступал сообразно предназначению. По ночам громко топал, будто бежал на последнюю ночную электричку, озабоченно шуршал страницами старых газет и, шумно отдуваясь, как потный купец после субботней бани, пил из блюдечка некипяченое молоко. Делал он это так вкусно, что хотелось прилечь рядом на пол, и попытаться зачерпнуть языком пару-тройку раз из фиолетового, с золотой каемочкой, блюдца. Уверена, что сделай я то, о чём говорю, украшенный веснушками молока нос ежа, и мои, вытянутые трубочкой губы, вполне по-братски находили бы друг друга в белой молочной пене...

Во время совместных дневных прогулок по парку, расположенному неподалеку, мы доставляли много хлопот няне. Ей редко удавалось организовать из нашей непоседливой парочки малочис-

ленную колонну,двигающуюся в одном направлении. Если я поворачивала руль своего трехколесного велосипеда в аллею направо, ежик улепетывал в диаметрально противоположную сторону. Несложно догадаться, что столь хаотичный режим перемещений по пересеченной местности, обусловил весьма скорую разлуку с гостем из леса. Отец отвез ежа на то же место, откуда его забрал. Прощание было скупым и щедрым, одновременно. Кроме полного блюда мясного фарша, ежик выпил стакан молока с булкой, поэтому кивать головой и фыркать был не в состоянии.

- Ну... теперь-то вы купите мне щеночка?! - размазывая по лицу слезы, перелившиеся через край моих глаз вослед ежу, спросила я.

- Щеночка?! - родители изумленно посмотрели в ту сторону, где, икая от обжорства, приминал траву наш недавний постоялец,- Ну, как тебе сказать... какого щеночка?

- Ма-а-аленького!- зарыдала я... и наутро получила нового питомца.

Точнее, - нескольких. Если мне не изменяет память, то их можно было пересчитать по пальцам одной руки. Одна, две, три, четыре... пять мягкотелых сидячеглазых улиток. Улитки разместились в небольшой пол-литровой банке. Величественные и настороженные, повинуюсь воле незримого и неопытного шахматиста, они натирали стеклянные стенки прозрачным клеем собственного производ-

ства, нескромно демонстрируя все, что скрывала мантия. А под мантией у них было восхитительно упругое тело, по цвету напоминавшее ещё юных, но уже маринованных опят.

Наблюдать за торжеством неспешной жизни можно было часами, если бы не активное, почти непрерывное выделение этими маленькими предусмотрительными существами, тонких стружек фекалий. Улитки, как истинные леди, имели при себе все, что им было необходимо: дом, приют, защиту, пузырек воздуха про запас, в потаенном углу раковины... Но никакого намека на туалетную нишу, или комнату! С каждым часом, «стружек» на поверхности воды становилось все больше и больше...

- Вот видишь, ты не можешь ухаживать даже за маленькими улитками.- С плохо сдерживаемой радостью, мать выливала содержимое банки в реку,- А что было бы, если бы мы купили тебе щенка? Кто бы стал убирать за ним? Выводить... Я? Я не могу, я работаю,- сообщала мать,- Папа тоже на работе... А ты не в состоянии привести в порядок даже себя, так что о собаке можешь забыть!..

Будьте людьми!

Сплетни, разговоры ни о чём, споры... К чему они? От грусти, как пасьянс ввечеру под абажуром пыльной лампы или от неуверенности в себе? Разве коту необходимо доказывать себе самому,

что он - кот?! Ну, так перестаньте уверять других и себя, что вы - Человек. Просто... Люди! Будьте людьми!

Содержание

Ж/д платформа Беяево	
Усманского района Липецкой области	3 стр
Укрывая одеялом... ..	4 стр
Последнее представление осени... ..	5 стр
Тот, который не умел летать... ..	9 стр
Дятел	11 стр
Я еду домой	13 стр
Вороны	14 стр
Законы физики	19 стр
Пока цветёт тюльпан... ..	24 стр
Аспостов день... по дороге за сачком	25 стр
Музыка весны	34 стр
Идет снег	35 стр
Зимняя спячка	36 стр
Мужчина и кот	40 стр
Котёнок и Облако	43 стр
Жалость.....	63 стр
Кукушонок	64 стр
Кошка	75 стр
Картофелина... ..	78 стр
Уля, June 8	80 стр
Sarah Dixie Sorbonne	84 стр
Гадёныш	102 стр
Уж	108 стр
Сказка об уже и мухе	109 стр
Было так неловко... ..	115 стр
От гаража до Млечного пути... ..	116 стр
Сердце... ..	126 стр
Юным	127 стр

гАДости...	128 стр
Поганая история	131 стр
Сосна	143 стр
Навстречу...	147 стр
Всё испортил соловей	150 стр
Первый снег.....	151 стр
Не торопись... ..	152 стр
Мишка	152 стр
Часы; Луна.....	154 стр
Бывает и так.....	155 стр
Пасха... ..	156 стр
Отрывок из повести «Последний тест доброты»	185 стр
Будьте людьми!	188 стр